

ЛОУРЕНС РИС

ТЕМНАЯ ХАРИЗМА
АДЛЬФА ГИТЛЕРА

ВЕДУЩИЕ МИЛЛИОНЫ В ПРОПАСТЬ

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Лоуренс Рис
**Темная харизма Адольфа Гитлера.
Ведущий миллионы в пропасть**
Серия «Преступления против человечества»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6896203

Темная харизма Адольфа Гитлера. Ведущий миллионы в пропасть: Колibri, Азбука-Аттикус; М.;

2014

ISBN 978-5-389-07970-0

Аннотация

Адольф Гитлер, ненавидящий людей психопат, преступник, повинный в смерти более пятидесяти шести миллионов человек, в том числе и миллионов собственных сограждан, вызывал фанатичное преклонение, поддержку и любовь самых широких слоев немецкого общества. Как это стало возможным?

Исследование личности Гитлера, предпринятое Лоуренсом Рисом, и анализ попыток объяснить ее демоническими, гипнотическими, трансцендентными способностями фюрера основаны на скрупулезной работе с огромным количеством документальных материалов и позволяют глубже понять истоки величайшей трагедии, имя которой Третий рейх.

Содержание

От издательства	4
Введение	6
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	40
Глава 6	48
Часть вторая	55
Глава 7	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Лоуренсом Рис

Темная харизма Адольфа Гитлера. Ведущий миллионы в пропасть

Посвящается моим родителям Маргарет Джулии Рис (1927–1977) и Алану Вильяму Рис (1924–1973)

«Всю мою жизнь можно считать непрерывной попыткой убеждать людей»¹.
Адольф Гитлер

«Сам факт, что подобный человек сумел зайти настолько далеко в реализации своих амбиций и — самое главное — нашел миллионы усердных помощников и послушных марионеток, — вот феномен, над которым весь мир будет размышлять еще не одно столетие»².
Конрад Гейден

От издательства

Уважаемый читатель!

Перед вами книга, которая неминуемо вызовет сильные и противоречивые чувства. Она написана видным английским историком, рассчитана изначально на западного читателя и, безусловно, содержит в себе большинство сложившихся на Западе стереотипов в восприятии и оценке драматических событий, происходивших в Европе в 30–40-е годы XX века.

Автор книги, Лоуренс Рис, много лет проработал креативным директором исторических программ BBC, снял серию научно-популярных фильмов о Второй мировой, написал книги, пользующиеся успехом и опубликованные большими тиражами.

Немало зарубежных зрителей и читателей взглянули на трагические события сквозь призму представленных им материалов. Многие российские зрители успели посмотреть программы, снятые на эту тему BBC под руководством Риса.

Задачи, которые автор ставил перед собой, работая над проектами, глубоко гуманистические — развенчание нацизма, его лидеров и основоположников, осуждение его злодеяний.

Исследование личности Гитлера, предпринятое Лоуренсом Рисом, основано на скрупулезной работе с огромным количеством документальных материалов и позволяет глубже понять истоки величайшей трагедии, имя которой Третий рейх.

Есть катастрофы, масштаб которых практически недоступен для постижения даже спустя многие десятилетия. К таким всеобъемлющим по трагизму страницам человеческой истории, безусловно, относится торжество нацизма как господствующей идеологии одной из самых просвещенных стран Европы и, как его следствие, чудовищная по числу жертв Вторая мировая война.

Любая идеология предполагает наличие лидера, способного зажечь идеей миллионы и повести их за собой. Неудивительно, что неотъемлемой частью фашистской идеологии стал принцип фюрерства, подразумевающий выдвигание на первый план идола, кумира, способного подчинить себе обывателей и вызвать их фанатичное преклонение. В процессе изучения нацистского режима в Германии в глаза бросается парадоксальное явление: неограниченная власть оказалась в руках кучки авантюристов, практически отбросов общества.

Преступником №1, повинным в смерти более пятидесяти шести миллионов человек, в том числе и миллионов собственных сограждан, стал угрюмый, ненавидящий людей психопат, не умеющий и не желающий строить нормальные человеческие отношения, не терпевший ничьих возражений и не считающийся ни с чьим мнением. Зловещая фигура Гитлера стала квинтэссенцией всех ужасов «коричневой империи» — необузданности, чудовищной жестокости и фантазмагии массового истребления.

Феномен Гитлера — явление в первую очередь социальное и политическое, связанное с глубоким кризисом общества, в котором он сформировался. Пороки общества, приветствовавшего фашизм, и пороки фюрера неотделимы, иначе они не смогли бы стать столь всеобъемлющими.

Книга Лоренса Риса — одно из самых глубоких исследований высочайшей лояльности немецкого народа к Адольфу Гитлеру и анализ попыток объяснить ее демоническими, гипнотическими, трансцендентными способностями фюрера и тех, кто был рядом с ним.

При чтении этой книги, как и при любом прикосновении к истории, необходимо сохранять объективность восприятия. Это не учебник, не выверенные энциклопедические сведения, это еще одно видение европейских событий 30–40-х годов XX века, в котором явно ощутима как горячая ненависть к нацизму, так и рефлексорная боязнь коммунизма. Позиция автора, старательно придерживающегося документальных свидетельств, все же проявляется при внимательном прочтении, и в ней обнаруживается много оценок, не совпадающих с трактовкой исторических фактов и источников, ставших для российского читателя каноническими.

Приступая к работе над книгой, мы всерьез задавались вопросом: «Нужно ли ее издавать у нас?» Ответ очевиден: мы с уважением относимся к нашему читателю, способному воспринимать новую информацию, видеть противоречия и давать им объективную оценку.

Эта книга для читателя вдумчивого, имеющего сложившиеся мировоззренческие фильтры и серьезный интерес к различным историческим и социальным концепциям. Эта книга — уникальная возможность ознакомиться с большим объемом первоисточников, пополнить свой багаж фактов и знаний, независимо и компетентно разобраться в предлагаемой трактовке личности самого чудовищного преступника в истории человечества.

Введение

Мои родители придерживались однозначного мнения об Адольфе Гитлере. Они пережили войну — брат отца погиб в одном из морских конвоев союзников в Атлантике, — и оба считали этого человека воплощением зла. А я еще ребенком начал задумываться — если Гитлер был дьяволом в человеческом облике, то как же он смог увлечь за собой столько людей? С тех пор я постоянно задавался этим вопросом — и в этой книге попытаюсь дать на него ответ.

Адольф Гитлер на первый взгляд был наименее подходящим лидером для передового государства в самом сердце Европы. Он был лишен чувства простой человеческой дружбы, не умел вести тонкую полемику, был полон ненависти и предрассудков, совершенно не умел любить и в целом был абсолютно «одинок»¹. Вне всяких сомнений, это была, что называется, «жалкая личность»². Однако именно он сыграл решающую роль в принятии трех самых разрушительных решений в истории человечества: решения захватить Польшу, которое привело ко Второй мировой войне, решения покорить Советский Союз и — решения уничтожить евреев.

Впрочем, Гитлер сотворил весь этот кошмар не в одиночку. И, несмотря на все его многочисленные личные недостатки, он, безусловно, обладал силой убеждения. «Всю мою жизнь, — изрек он в 1942 году, — можно считать непрерывной попыткой убеждать людей»³. Многие из тех, кого я встречал и кому удалось пережить те годы, по сути, подтверждали эти слова. Пытаясь отвечать на настойчивые расспросы, почему эта странная личность тогда казалась им столь убедительной, они приводили множество аргументов: обстоятельства того времени, личные страхи, надежды и так далее. Но многие, кроме этого, говорили еще и о мощнейшем магнетизме Гитлера, который некоторые приписывали его «харизме».

Что же такое харизма? Это слово имеет греческое происхождение, и буквально оно означает «милость или дар Божий». Но в наши дни эта одаренность уже не считается чисто «божественной», а скорее «нейтральной величиной»⁴ — самые отвратительные негодяи могут обладать этой чертой наравне с прекрасными достойными людьми. Изначальное значение слова предполагает, что харизма — качество абсолютное, которое либо имеется, либо отсутствует у каждого конкретного человека. Однако харизматичная притягательность Адольфа Гитлера не была универсальной. Она присутствовала лишь в пространстве между ним и эмоциями его аудитории. Два человека могли общаться с ним одновременно, при этом первый попадал под его воздействие, второму же он казался попросту дураком.

Истоки современного понимания понятия «харизмы» можно обнаружить в работах немецкого социолога Макса Вебера, который, как известно, описал «харизматичное лидерство»⁵ на рубеже XIX и XX веков. И хотя это произошло задолго до того, как Гитлер стал канцлером Германии, работа Вебера вполне актуальна для тех, кто занимается изучением нацизма в целом и личностью Гитлера в частности. Следует отметить, что Вебер изучал «харизматичное лидерство» как особый тип правления, а не как личное качество, которым может обладать не только политик, но и популярный артист.

По Веберу, «харизматичный» вождь должен обладать недюжинными «миссионерскими» способностями и даже являться чем-то вроде религиозного деятеля. Последователи лидера такого типа ждут от него чего-то большего, чем банальное снижение налогов или улучшение системы здравоохранения — они преследуют более глобальные, почти духовные цели: избавление и спасение. Подобному руководителю непросто существовать в рамках нормальной бюрократической структуры, его влечет зов судьбы. Гитлер, согласно подобной трактовке, является типичным «харизматичным лидером».

По-моему, особенно важно понимать, что ощущение харизматичности возникает при взаимодействии между людьми. В этом смысле мне необычайно повезло, поскольку я мог лично общаться с теми, кто пережил те невероятные времена. В процессе работы над этой книгой у меня был доступ к уникальным первоисточникам: за 20 последних лет я в качестве режиссера исторического кино взял сотни интервью свидетелей и участников тех событий. Лишь небольшая часть этих материалов была ранее опубликована, а большая часть свидетельств очевидцев, представленная в этой книге, публикуется впервые.

У меня было огромное преимущество — возможность путешествовать по миру и встречаться с разными людьми — теми, кто близко сотрудничал с Гитлером, и теми, кто совершал убийства во имя его целей; теми, кто пострадал от его деяний, и теми, кто в итоге уничтожил его. Мне исключительно повезло — после падения Берлинской стены я стал одним из первых западных исследователей, посетивших бывшие коммунистические страны Восточной Европы, и записал честные и открытые высказывания о нацизме людей, живших за «железным занавесом». Их признания зачастую были неожиданными и даже шокирующими.

Я был удостоен чести беседовать с величайшими историками с мировым именем (собранные материалы размещены на моем образовательном сайте WW2History.com), а также имел доступ к информации из архивов и к другим историческим источникам. Но именно встречи и разговоры с людьми, которые были знакомы с Гитлером и жили под его властью, дали мне главный ключ к пониманию его притягательности. (Опыт подсказал мне, что следует быть максимально осторожным с показаниями очевидцев. Поэтому я разработал множество критериев проверки и мер предосторожности от ошибки, которые в дальнейшем использовал в работе с ними⁶.)

Множество материалов я почерпнул, изучая архивные документальные фильмы того периода, в частности, кадры, на которых запечатлены речи Гитлера. Когда 20 лет назад я приступил к изучению нацизма, то наивно полагал, что «харизму» Гитлера можно будет каким-то образом разглядеть на пленках. Однако вскоре стало совершенно ясно — мне, во всяком случае, — что Гитлер на сегодняшний день выглядит на экране абсолютно непривлекательным. Разумеется, это всего лишь частная точка зрения. Просматривая кадры хроники, я ничего не чувствовал, не будучи человеком того времени — тем более человеком заведомо подготовленным к страстному призыву Гитлера. Я не был голодным, униженным поражением в войне, безработным, я не был запуган ростом преступности на улицах, не был разочарован несбывшимися обещаниями демократической системы, в которой жил; я не был напуган полной потерей банковских сбережений и не мечтал, чтобы мне наконец объяснили — по чьей же вине все это произошло.

Необходимо добавить, что людей, поддавшихся обаянию лидера, категорически нельзя считать «загипнотизированными». Они четко осознают происходящее и полностью отвечают за свои действия. Тот факт, что человек решил идти за харизматичным вождем, не может рассматриваться в дальнейшем как алиби или оправдание.

Следует заметить, что Гитлер был не просто харизматичным лидером. Для достижения своих целей он также использовал угрозы, убийства и террор, и я попытаюсь показать, какую роль эти аспекты сыграли в истории его прихода к власти и последующего правления. При этом были люди, которые шли за Гитлером исключительно из чувства страха, как, впрочем, и те, которые вообще не считали его харизматичным человеком.

В заключение замечу, что, хотя эта работа полностью посвящена Гитлеру, она актуальна и в наше время. Желание быть ведомым сильной личностью в разгар кризиса, всеобщая потребность обрести цель, поклонение «героям» и «знаменитостям», мечты о спасении и искуплении — все эти устремления множества людей во всем мире не изменились, не исчезли со смертью Гитлера в апреле 1945 года.

Человек — животное общественное. Мы хотим принадлежать кому-то или чему-то. А потом жизнь нередко устраивает нам настоящий ледяной душ. И только понимание того, как именно люди, ищущие власти, пытаются влиять на нас и как часто мы сами способствуем манипулированию собой же, позволит осознать ту опасность, которая грозит нам если мы, отбросив здравый смысл и здоровый скептицизм, возлагаем все свои надежды на харизматичного лидера.

Часть первая ДОРОГА К ВЛАСТИ

Глава 1 В поисках призвания

В 1913 году, когда Адольфу Гитлеру было 24 года, ничто в повседневной жизни не выдавало в нем будущего харизматичного лидера Германии. Ни его профессия — он с трудом зарабатывал на жизнь, рисуя картинки для туристов в Мюнхене. Ни его жилище — он снимал захудалую комнатку у портного Йозефа Поппа на третьем этаже дома № 34 по Шляйсхаймерштрассе, к северу от Центрального вокзала Мюнхена. Ни одежда, которую он носил — Гитлер одевался консервативно и даже бедновато, в соответствии с традиционной мелкобуржуазной модой того времени — черное пальто и брюки. Ни его внешний вид — он был совершенно невзрачным молодым человеком со впалыми щеками, скверными зубами, редкими усиками и черными волосами, безвольно спадающими на лоб. Ни его личная жизнь — он не способен был долго поддерживать дружеские отношения, у него никогда не было возлюбленной.

Его главной отличительной чертой была способность ненавидеть.

«Он был не в ладах с миром, — пишет Август Кубичек, проживший с ним несколько лет в одной квартире в Австрии. — Куда бы он ни смотрел, он видел вокруг только несправедливость, ненависть и вражду. Ничто не укрывалось от его критики, ничто не удостоивалось похвалы в его глазах... Задыхаясь от ненависти к множеству вещей, он был готов излить свою ярость на все человечество, которое не понимало, не ценило и даже преследовало его»¹.

Как же произошло, что этот ничем не примечательный 24-летний молодой человек стал впоследствии одной из самых могущественных и печально известных личностей в мировой истории — лидером, прославившимся, помимо всего прочего, своей темной «харизмой»?

В этом удивительном преображении безусловную роль сыграли обстоятельства. Но важно понимать и то, что ключевые черты характера, которыми обладал Гитлер в 1913 году, когда был он еще не более чем странноватым художником, бродившим по улицам Мюнхена, — те самые черты, которые не приносили ему в то время ни профессионального, ни личного успеха — останутся с ним на всю жизнь, но впоследствии будут восприниматься людьми уже не как слабости, а, наоборот, как сильные стороны. Например, невероятная категоричность Гитлера, которая проявлялась в том, что он не терпел никаких возражений.

Он просто констатировал свою точку зрения и выходил из себя всякий раз, когда ему задавали вопросы или критиковали. Но то, что в 1913 году воспринималось как тупое выкрикивание убогих лозунгов, впоследствии стали считать твердостью убеждений. Или возьмем невероятную самоуверенность будущего диктатора. За несколько лет до описываемого периода, когда Гитлер еще жил в Вене, он заявил озадаченному соседу по съемной квартире, что решил написать оперу. Тот факт, что он не знал нотной грамоты, отнюдь не смущал его. В дальнейшем его чрезмерная уверенность в собственных силах станет восприниматься как признак гениальности.

Ко времени прибытия в Мюнхен Гитлер уже пережил годы разочарований. Он родился 20 апреля 1889 года в городе Браунау-ам-Инн в Австрии, на границе с Германией. Он не ладил со своим немолодым отцом, сотрудником таможни, и тот частенько колотил его. Отец

скончался в январе 1903 года в возрасте 65 лет, мать умерла от рака спустя четыре года, в декабре 1907 года, будучи всего 47 лет отроду. Оставшись сиротой в 18 лет, юноша шатался между австрийским городом Линцем и столицей, Венной, и в течение нескольких месяцев 1909 года даже терпел настоящие лишения. Но вскоре скромный денежный подарок от тетушки позволил ему заняться рисованием. Молодому человеку не нравилась Вена, она казалась ему грязной и обшарпанной, погрязшей в коррупции и проституции. Однако он прожил там вплоть до своего 24-летия. В этом возрасте он, с некоторым опозданием, получил 800 крон наследства от отца — и смог наконец покинуть Австрию и приступить к поиску квартиры в Мюнхене, настоящем «немецком» городе, к которому, как сказал сам Гитлер впоследствии, он был «привязан больше чем к любому другому месту на земле»².

Несмотря на то, что он наконец-то поселился в городе, который ему нравился, Гитлер, казалось, продолжал жить жизнью, ведущей к полной безвестности. В дальнейшем он постарается создать у людей совсем другое впечатление — и в автобиографической книге «Майн кампф», написанной 11 лет спустя, будет убеждать читателя в том, что именно в эти годы в нем зарождался политик³. На самом деле в 1913 году Гитлер оставался социально и эмоционально не определившейся личностью, плывущей по течению жизни в неведомом направлении. Важно отметить, что в 24 года он все еще не осознавал своего призвания — что присуще большинству исторических личностей, считающихся харизматичными лидерами. «Главное дело» своей жизни, в которое Гитлер страстно поверил, он открыл благодаря Первой мировой войне и ее бесславному результату. Если бы не это эпохальное событие, он почти наверняка остался бы прозябать в Мюнхене и не оставил бы в истории человечества даже малого следа.

Мировоззрение Гитлера начало формироваться 3 августа 1914 года, когда он, будучи австрийцем, подал прошение, чтобы поступить на службу в Баварскую армию. Всего за два дня до этого, в первый день августа, Германия объявила войну России. Гитлер страстно желал служить немецкому государству, которое он боготворил, и его желание исполнилось в сентябре 1914 года, когда его направили рядовым в 16-й резервный Баварский полк (известный также как «полк Листа»). В следующем месяце он впервые принял участие в боевых действиях под Ипром. В письме своему мюнхенскому приятелю Гитлер описывал свой первый бой так: «Слева и справа рвалась шрапнель, посередине свистели английские пули. Но мы не обращали внимания... Над нами выли и свистели снаряды, разнесенные в щепки стволы и ветки деревьев сыпались прямо на нас. А затем снова взрывались гранаты, поднимая облака камней, дыма и удушающего, тошнотворного желто-зеленого газа... Я часто думаю о Мюнхене, и я знаю: у всех нас одно желание — раз и навсегда изрубить всю эту банду в куски. Мы жаждем решающей битвы, любой ценой...»⁴

Это слова человека, который уже пришел к каким-то убеждениям. Впервые в жизни у Гитлера возникло не просто чувство общей цели с другими людьми, а реальное понимание драматических возможностей бытия. Первая мировая война возымела подобное действие не только на Гитлера, но и на многих других немецких парней. «Война — мать всех вещей, в ней и наши корни, — писал Эрнст Юнгер, еще один ветеран войны. — Она выковала нас, отчеканила и закалила, сделав из нас то, что мы есть. И всегда, до тех пор пока колесо жизни еще вращается в нас, эта война будет осью, вокруг которой это колесо вертится. Она вырастила нас для борьбы, и мы останемся бойцами до последнего вздоха»⁵.

Та война, через которую Гитлер, Юнгер и миллионы других прошли на Западном фронте, отличалась от всех предыдущих военных конфликтов. В этой войне пулеметы и колючая проволока свели суть конфликта к бойне на узком клочке земли, по колена залитом человеческой кровью. Огнеметы, бомбы и ядовитые газы сеяли разрушение и смерть. В результате для Гитлера «романтика» битвы вскоре «сменилась обычным ужасом»⁶.

Неудивительно, что у него сформировалось убеждение, что жизнь — это постоянная и жестокая борьба. Именно таким было существование рядового солдата на фронтах Первой мировой. Но дело было не только в этом. Война — особенно для Адольфа Гитлера — была своего рода испытанием, дававшим шанс проявить героизм. И, несмотря на то, что согласно последним исследованиям, Гитлер не сидел, как все, в окопах, а всего лишь был посыльным при штабе полка, расположенном не на самой линии фронта⁷, ни у кого не возникает сомнений в том, что он был храбрым солдатом. В октябре 1916 года в битве на Сомме он был ранен, а позднее, спустя два года, был награжден Железным крестом I степени. К награде его представил офицер-еврей Уго Гутман, а в официальных рекомендациях командира полка Эммериха фон Година было отмечено: «в качестве посыльного он [Гитлер] являлся образцом хладнокровия и твердости духа, как во время окопной войны, так и во время активных боевых действий», а также «всегда готов доставлять донесения в наиболее сложных ситуациях и с большим риском для жизни»⁸.

Однако, несмотря на храбрость, в глазах своих полковых товарищей Гитлер оставался чужаком. Впрочем, им он был и для всех его довоенных знакомых. Как позднее сказал один из его сослуживцев, Балтазар Брандмайер: «В Гитлере было что-то странное»⁹. Однополчан будущего вождя удивляло, что он никогда не испытывал желания выпить или переспать с проституткой. Свободное время он проводил за чтением или рисованием, изредка обращаясь к окружающим с пламенными речами на разные темы, занимавшие его воображение. Создавалось впечатление, что у него не было ни друзей, ни семьи, что он был абсолютно одинок¹⁰. Что же касается «харизмы» — ничего подобного в Гитлере в то время не наблюдалось.

И все же он был всецело предан войне и, экстраполируя эту свою преданность и храбрость на всех остальных, верил в то, что каждый человек на фронте испытывает те же чувства. Это в тылу, в Германии писал он в «Майн кампф», армия была «предана» теми, кто хотел нажиться на войне ценою жертв павших в бою солдат. В те дни была популярна идея так называемого *Frontgemeinschaft* (фронтového братства), которая по сути своей являлась мифом. Ее суть сводилась к следующему: находившиеся далеко за линией фронта тыловики предали сплоченное братство фронтовиков. К тому времени, когда Гитлер был ранен в последний раз в бою под Ипром, в октябре 1918 года, Германия уже проиграла войну по целому ряду причин, но ни одну из них нельзя объяснить «предательством» изнутри. На самом деле Германия была разгромлена превосходящими военными силами, сплотившимися против нее. Далекую не последнюю роль в падении Германии сыграли американцы, вступившие в войну в апреле 1917 года, что привело к прибытию на фронт сотен тысяч свежих войск. Кроме того, блокада Германии военно-морскими силами Антанты привела к широкомасштабной нехватке продовольствия в стране. И без того тяжелая ситуация усугубилась массовой эпидемией гриппа-испанки в 1918 году.

К осени большая часть немецких военных была вынуждена признать, что война проиграна. В октябре моряки адмирала Франца фон Хиппера отказались покинуть порт и принять участие в последней, обреченной на поражение битве против кораблей Антанты. Их мятеж вскоре поддержали в портовом городе Киль, затем — в Любеке, Бремене, и, наконец, в Гамбурге. Начало революции в Германии, на фоне успешной большевистской революции в России, произошедшей год назад, казалось вполне возможным. Немецкое правительство понимало, что войну следует прекратить как можно скорее. Учитывая требования стран Антанты, все поняли, что, каким бы ни было будущее Германии, во главе страны уже не будет стоять кайзер. Ведь именно он в первую очередь ассоциировался с решением начать войну. Генерал Вильгельм Гренер сообщил кайзеру эту неутешительную новость, и 9 ноября 1918 года Германия стала республикой.

Неожиданное бегство главы государства вызвало большое смятение среди многих немецких офицеров. «В самый тяжелый момент войны мы получили удар в спину, — писал Людвиг Бек, в то время член Верховного командования немецкой армии, впоследствии начальник Генштаба сухопутных войск. — Никогда в жизни мне не приходилось быть свидетелем таких драматических событий, как те, что произошли 9 и 10 ноября. До тех пор я считал невозможной подобную подлость, трусость и бесхарактерность. За несколько часов 500-летняя история была перечеркнута, а императора, как вора, депортировали в Голландию. Так невероятно быстро — и все это случилось с выдающимся, благородным и высоконравственным человеком»¹¹.

На фронте среди многих простых солдат, не знавших о том, что Германия больше не в состоянии продолжать войну, чувство полного недоумения и негодования вызвало не только такое быстрое отстранение кайзера от власти, но и немедленное объявление перемирия, которое вступило в силу 11 ноября 1918 года. «Войска на передовой совсем не чувствовали себя разбитыми, — отмечал Герберт Рихтер, сражавшийся на Западном фронте. — Поэтому мы удивлялись, почему перемирие произошло так быстро и почему мы вынуждены в такой спешке оставлять позиции, ведь мы все еще были на занятой нами вражеской территории, и все это казалось нам странным... Мы злились, поскольку наши силы еще не были на исходе, мы могли продолжать борьбу»¹².

Германия оказалась разделенной на два лагеря — один считал, что армию предали, и именно к нему принадлежали такие, как Бек и Рихтер. Другой лагерь, включавший восставших немецких моряков, признал поражение и требовал глобальных перемен в обществе. В январе 1919 года всеобщая забастовка в Берлине переросла в социалистическое восстание. Фридолин фон Шпаун, тогда простой баварский юноша, отправился в столицу, чтобы воочию увидеть исторические события. «Все это меня невероятно захватывало. Газеты писали про революцию в Берлине. И я решил собственными глазами увидеть, как делается революция. Меня привело в Берлин обычное любопытство. Я с головой окунулся во всеобщий мятеж, город казался совершенно безумным. Сотни тысяч людей бежали по улицам и кричали, то с одной стороны, то с другой. В городе была тогда одна радикально настроенная левая фракция. Она полностью находилась под влиянием человека по имени Карл Либкнехт. Удача улыбнулась мне, и я однажды увидел его лично... Я стоял в толпе. И внезапно услышал крик. Затем подъехал грузовик, и люди стали расступаться, образуя нечто вроде коридора. И все кричали: “Либкнехт! Либкнехт!” В толпе слышались одобрительные возгласы, а я даже его не видел, потому что он был окружен толпой, телохранителями с винтовками наперевес... И [потом] этот легендарный человек, Карл Либкнехт, появился в окне и произнес пламенную речь. Она была не очень длинной, минут пятнадцать — полчаса, точно не помню. И эта речь произвела на меня такое впечатление, что с того самого часа я стал убежденным противником большевизма. Поскольку он бросал в толпу глупые и тривиальные фразы, возбуждая людей невероятно провокационными тирадами... Я понял, что он вовсе не собирается создавать рай для рабочего класса. Фактически им двигала лишь жажда власти. Таким образом, я получил хорошую прививку от искушений левых и покинул площадь ярким противником большевиков. Через четырнадцать дней господина Либкнехта не стало. Его противники схватили его с соратницей — женщиной из Польши по имени Роза Люксембург. И просто убили их. Возможно, это прозвучит бессердечно, но их трагическая судьба не вызвала у меня ни слезинки. Они получили по заслугам»¹³.

Фридолин фон Шпаун был настолько потрясен собственным переосмыслением Карла Либкнехта и осознанием его «жажды власти» тогда, в январе 1919 года в Берлине, что позднее вступил во фрайкор (Freikorps), чтобы бороться против революционеров-коммунистов. Фрайкоры, военизированные отряды, начавшие формироваться в конце войны, после

падения существующего порядка, пытались подавить революцию левых сил. В основном эти отряды состояли из бывших солдат, поддавшихся призывам своих старых командиров. Именно фрайкоры — в большей степени, нежели регулярная немецкая армия или полиция — сыграли главную роль в подавлении революции в Берлине в январе 1919 года. Они же стали первыми гарантами новой Германской республики. Многие впоследствии видные нацисты были активными членами фрайкоров в тот период. Среди них — Генрих Гиммлер, Рудольф Гесс, Грегор Штрассер. Важно отметить, что Гитлера среди них не было.

В «Майн кампф» Гитлер писал, что пока он лежал в лазарете в городе Пасевальк в ноябре 1918 года, в связи с временной потерей зрения¹⁴ вследствие газовой атаки, его переполняла уверенность в том, что обстоятельства завершения войны являются «величайшим злодеянием века»¹⁵. По его убеждению, альянс марксистов и евреев грозил его отчизне гибелью. Гитлер пишет, что именно в этот момент он принял решение «идти в политику».

Привлекательность столь драматичной истории для дальнейшего формирования мифа очевидна. Доблестный солдат с линии фронта, преданный продажными и корыстными политиками, решает посвятить свою жизнь спасению страны. Все сходится. Однако в жизни все происходит совсем не так, как в сказке. И, разумеется, «великое призвание» Гитлера сформировалось вовсе не в тот момент.

Гитлер выписался из госпиталя 17 ноября 1918 года и вернулся в Мюнхен. Город находился в эпицентре бурных изменений. За десять дней до того, 7 ноября, в мюнхенском парке Терезиенвизе прошла демонстрация, организованная социалистом Эрхардом Ауэром, которая привела к революции. Стараниями журналиста и участника антивоенной кампании Курта Эйснера, из искры возгорелось пламя. Он подстрекал солдат, присутствовавших на демонстрации, поднять бунт против офицеров и взять на себя управление в казармах. Для наведения революционного порядка были сформированы «Советы рабочих» и «Солдатские советы». Наследственная баварская монархия, дом Виттельсбахов, была свергнута. Мюнхен был объявлен социалистической республикой под руководством Курта Эйснера.

В «Майн кампф» Гитлер описывает свою антипатию к событиям, происшедшим в его любимом Мюнхене. И не удивительно, ведь Курт Эйснер был и евреем, и социалистом одновременно. И тут поведение Гитлера становится странным. В отличие от тысяч других немцев, таких как Фридолин фон Шпаун, присоединившихся к военизированным отрядам — фрайкорам — для борьбы с коммунистической революцией, Гитлер решил остаться в армии. Покинув Мюнхен, он некоторое время служит охранником в лагере для военнопленных, а в начале 1919 года снова возвращается в город и продолжает нести службу в своей части, когда Мюнхен все еще пребывал под властью Курта Эйснера¹⁶. А когда через несколько недель была провозглашена злосчастная Баварская советская республика, во главе которой стояли такие фанатичные большевики как Ойген Левине (который, как и Эйснер, был евреем), то Гитлер, согласно документам, был избран депутатом от своего батальона¹⁷, что вряд ли стало бы возможным, если бы он являлся таким уж ярким противником коммунистической революции.

В тот момент Гитлер мог поступить по-разному — мог оставить армию и присоединиться к фрайкорам или по крайней мере стараться избегать сотрудничества с коммунистическим режимом. Поскольку Гитлер ничего этого не сделал, его утверждение, сделанное в «Майн кампф», что именно в начале 1919 года он обрел свое политическое призвание, вызывает серьезные сомнения. Тем не менее, спустя всего лишь несколько месяцев, осенью того же года, Гитлер пишет свое первое политическое воззвание, полное ненависти к евреям, и определяется с мировоззрением, придерживаться которого будет всю оставшуюся жизнь.

Причиной такого перехода Гитлера от очевидного принятия Мюнхенской революции в апреле 1919 года до ненависти к евреям в сентябре того же года послужила политическая

ситуация в городе. Отряды фрайкоров вошли в Мюнхен 1 мая 1919 года и взяли власть в городе в свои руки. Баварская советская республика вскоре рухнула. Однако перед этим коммунисты успели расстрелять около двадцати заложников. Месть фрайкоров была огромной и кровавой. Как минимум тысяча убитых. Опыт революции левого толка оказался для Мюнхена очень болезненным, и город радостно распахнул объятия правым силам. Так же поступил и Адольф Гитлер. Вскоре после падения коммунистического правительства в Баварии Гитлер становится членом нового военного комитета, проверяющего своих сослуживцев на предмет сотрудничества с предыдущим режимом. Недолгое заигрывание Гитлера с левыми закончилось навеки.

Свидетельства о возможном сотрудничестве Гитлера с левыми силами Баварской революции появились относительно недавно, и, разумеется, возникли многочисленные попытки их объяснить. Возможно, Гитлер был «перебежчиком»¹⁸, а его действия были признаком «полного замешательства и растерянности»¹⁹. Это, собственно, подтверждает теорию о том, что в то время жизнь Гитлера еще могла «пойти совсем в другом направлении»²⁰.

Как же нам лучше понять действия Гитлера в тот период? Возможно ли, что его молчаливая поддержка социалистической революции в Баварии была просто уловкой? И что в глубине души он не менял своей приверженности ультраправым политическим силам, а просто плыл по течению, а может, даже действовал как шпион, пытаясь как можно ближе узнать противника? Безусловно, если бы с подобным вопросом обратились к Гитлеру, он дал бы именно такое объяснение. И был бы чрезвычайно оскорблен предположением, что в тот исторический момент он, как и множество других обычных людей, жил по принципу: что будет, то будет.

Как бы то ни было, нет никаких весомых свидетельств, что в течение первых послевоенных месяцев Гитлер вел тонкую макиавеллиевскую политику, скорее — наоборот. Капитан Карл Майр, начальник отдела, отвечавшего за пропаганду и работу с прессой в штабе, глава военного «информационного» департамента в Мюнхене (в задачи которого входило «перевоспитание» солдат после социалистической революции), встретил Гитлера весной 1919 года, и его характеристика звучит предельно ясно: «В то время Гитлер был готов связать свою судьбу со всяким, кто взял бы его под крыло. Лозунг «Германия или смерть», который впоследствии так часто будет использоваться в гитлеровской пропаганде, был в то время чужд его духу. Он сотрудничал бы с евреем или французом, как с арийцем. Когда я впервые встретил его, он напоминал уставшую бродячую собаку в поисках хозяина»²¹.

Майр был выдающейся личностью. В дальнейшем он перешел из ультраправого крыла германской политики в социал-демократы и стал яростным противником Гитлера. В конечном итоге он умер в нацистском концентрационном лагере в 1945 году. И хотя некоторые из его более поздних нападок на Гитлера кажутся сильно преувеличенными, порой на грани фантастики (он утверждал, например, что Гитлер был настолько глуп, что не способен был даже сам писать свои речи), его впечатления от первых встреч с Гитлером в мае 1919 года не вызывают сомнений. Фактически они дают наиболее убедительное объяснение поведению Гитлера в то время.

Таким образом, мы выяснили, что Гитлер никак не мог быть тонким политиком в начале 1919 года. Он был простым солдатом, подавленным поражением в войне, растерянным и неуверенным в своей собственной дальнейшей судьбе, жаждущим продержаться в армии как можно дольше. Ведь армия была его единственным домом, кровом и потенциальным местом работы. Однако его сложно назвать и «чистым листом». У Гитлера уже появились определенные политические принципы — такие как пангерманизм, — а время, проведенное в довоенной Вене, оказало на него опасное антисемитское влияние. И именно те

несколько месяцев работы агентом Майра по «перевоспитанию» солдат помогли Гитлеру отточить свои мысли.

В обязанности Гитлера входили беседы с солдатами об опасностях коммунизма и преимуществах национализма. Чтобы обучиться этому ремеслу, Гитлер прошел специальный курс в Мюнхенском университете с 5 по 12 июня 1919 года. Здесь он прослушал множество лекций, включая циклы «Политическая история войны» и «Наша экономическая ситуация»²², — все они были выдержаны в «правильном» духе антибольшевизма. По общему мнению, Гитлер охотно впитал эту науку, а затем — в августе — выплеснул свои «познания» на других немецких солдат в лагере близ города Аугсбурга.

В этих выступлениях Гитлер, в частности, дал выход своим антисемитским убеждениям, увязывая евреев с большевизмом и Баварской революцией. Мысль эта не была оригинальной — в то время подобное мнение было популярно в среде немецких ультраправых экстремистов. И именно это примитивное отождествление иудаизма и коммунизма послужило источником большинства антисемитских предрассудков, возникших после Первой мировой войны. «Люди, которых отправляли в Баварию для создания [коммунистического] режима Советов, — говорил Фридолин фон Шпаун, еще один убежденный антисемит, — были в большинстве своем евреями. Достаточно посмотреть на их имена. Из опыта России мы знаем, какие влиятельные позиции занимали там евреи... Теорию марксизма также создали евреи [то есть Карл Маркс], а на нее, как известно, опирался Ленин»²³.

Ранее Гитлер наслушался жесткой антисемитской риторики — от бургомистра Вены Карла Люгера, например. Однако, невзирая на убеждения, изложенные в «Майн кампф», нет никаких свидетельств того, что он был антисемитом еще во время войны. Ясно, что к августу 1919 года он стал убежденным антисемитом, ведь до этого он посещал лекции, организованные Майром, а также мог наблюдать настроения людей, живших в Мюнхене, и именно так отреагировавших на недолгую Баварскую советскую республику, созданную в их родном городе.

Как бы там ни было, с этого времени Гитлер, похоже, уже не ломает комедию относительно своего увлечения антисемитизмом. Он выражает свои взгляды со страстью и упорством убежденного сторонника этой теории.

Гитлеру исполнилось 30 лет. И только к этому времени — лету 1919 года — в исторических источниках появляются первые упоминания о его потенциальных «харизматических» качествах. В военном лагере под Аугсбургом многие солдаты положительно отзывались о лекторских способностях Гитлера. Один из них, артиллерист Ганс Кноден, пишет, что Гитлер «оказался блестящим и вдохновенным оратором, он заставлял всю аудиторию следить за своим выступлением. Иногда он не успевал закончить длинную речь [в отведенное время] и предлагал всем заинтересовавшимся прийти дослушать выступление после дневной службы. Все немедленно соглашались. Он, несомненно, возбуждал в людях интерес»²⁴.

Гитлер презрительно относился к дискуссиям, его интересовало только чтение лекций. В любом случае до войны он не имел аудитории, желавшей слушать речи об опере или архитектуре. Теперь же появились люди, готовые внимать его рассуждениям о затруднительном положении послевоенной Германии. Гитлер всегда был однозначен в своих оценках и не желал прислушиваться к чужой аргументации. А в кризисные времена многие готовы были приветствовать подобную непреклонность.

Во многих взглядах тогдашнего Гитлера уже можно узнать будущего фюрера немецкого народа. К примеру, 16 сентября 1919 года Гитлер по запросу капитана Майра написал антисемитское воззвание, беспрецедентное по своей злобе. Он писал о том, что евреи «вызывают расовый туберкулез среди народов» и что «удаление всех евреев из Германии» должно стать основной задачей немецкого народа²⁵.

За четыре дня до написания этого воззвания Гитлер посетил политическое собрание, которое проводилось в одном из залов мюнхенской пивной «Штернекерброй». Капитан Майр дал ему задание: наблюдать за деятельностью крайних партий и докладывать о них, и не нашлось организации более «крайней», чем эта — Немецкая рабочая партия. Эта партия была немногим более, чем небольшой дискуссионный клуб. Создана была в январе 1919 года 35-летним слесарем Антоном Дрекслером и журналистом Карлом Харрером. Оба основателя решили, что хотят проводить агитацию в антисемитском и антибольшевистском духе, однако близкую и понятную рабочим, что было обычно для правых партий. Дрекслер до этого был членом Немецкой отечественной партии, основанной Вольфангом фон Каппом двумя годами ранее — одной из множества похожих правых партий того времени, таких как Немецкий народный союз обороны и наступления и «Общество Туле».

В ту ночь в пивной собралась лишь пара десятков людей, и когда Гитлер выступил против призыва провозглашения независимости Баварии от Германии, он сразу же произвел впечатление. Дрекслер отметил ораторские способности Гитлера и начал убеждать его вступить в свою крошечную партию. Это был момент, когда Адольф Гитлер и то, что в будущем станет партией нацистов, сошлись.

В течение нескольких последующих недель Гитлер открывает свое истинное «предназначение»: он готов объявить народу путь, следуя которому поверженная Германия может восстать из руин. Правда, он еще не предлагал себя самого в качестве того великого вождя, который лично возглавит воплощение этой задачи в жизнь. Но уже 16 сентября в письме, направленном против евреев, он отметил, что Германия должна стать автократическим государством, управляемым диктатором: «Это возрождение страны приведет в действие не политическое руководство безответственных правящих партий, действующих под влиянием партийных догм или безответственной прессы, и не воззвания и лозунги, позаимствованные у других стран, а лишь жесткие действия личностей, готовых возглавить народ и обладающих глубоким чувством ответственности»²⁶. Кажется, человек нашел свое призвание — однако это было не то призвание, которое было ему уготовано.

После посещения пивной «Штернекерброй» жизнь Гитлера изменилась. Его долго носило по бурным морям, и наконец он нашел свою гавань. Всю оставшуюся жизнь он будет делать вид, что сюда его направила сама судьба.

Глава 2

Установление связей

Успешное восхождение Гитлера к вершинам власти и его безусловное харизматичное лидерство основаны на его ораторских способностях. «Он выглядел фанатиком: угрожающе и одновременно умоляюще заламывал руки, пронизывал стальным взглядом пылающих голубых глаз», — писал Курт Людеке, который слышал речь Гитлера в 1922 году.

«Его слова напоминали удары кнута. Когда он говорил о позоре Германии, я готов был с кулаками наброситься на врага. Его обращение к немецкому народу напоминало воззвание к оружию, слова, которые, он произносил, — священной истиной. Он казался вторым Лютером. Я забыл обо всем на свете, кроме речей этого человека. Оглянувшись вокруг, я увидел, что магнетизм его слов заморозил тысячи людей»¹. В первые послевоенные годы в Мюнхене существовало много небольших экстремистских политических групп, но ни одна из них не имела оратора, который настолько бы воздействовал на слушателей.

У Гитлера уже был немалый опыт произнесения назидательных речей — хотя никто до этого еще не называл его «вторым Лютером». Несмотря на то, что еще в довоенной Вене Гитлер впечатлил Августа Кубичека тем, насколько «бойко»², например, он выражал свои мысли, временами он говорил настолько напыщенно, что казался «не вполне адекватным»³.

Теперь времена изменились, и Германия того времени серьезно отличалась от благополучной предвоенной Вены. Немцам пришлось пережить травму от поражения в войне, падение старой политической системы и кайзера, страх перед коммунистической революцией, унижительный мирный договор, который требовал от немцев прежде всего признать «вину» в развязывании войны и выплатить победителям огромные репарации, которые, согласно решению Парижской конференции в январе 1921 года, составили 220 тысяч миллионов золотых марок.

Поучения Гитлера были рассчитаны на людей растерянных. В 1923 году в стране разразилась гиперинфляция. Экономическая ситуация была настолько тяжела, что грозила полным финансовым крахом. «Они [союзники] хотели удержать Германию на самом дне экономического и промышленного развития на многие годы, на целые поколения, — говорил Бруно Хенель, который рос в те годы. — Была страшная инфляция — мы платили миллиарды [марок] за буханку хлеба»⁴. А солдаты, возвращавшиеся с фронта и пережившие все тяготы войны, теперь сталкивались с невероятными финансовыми затруднениями. Одним из них был Герберт Рихтер. «У моих родителей были денежные сбережения, — писал он. — У них никогда не было земли, собственного дома. И тут весь их достаток растаял, как снег на солнце, — попросту исчез. До этого мы считались зажиточными людьми. И вдруг оказались без средств к существованию — мы попросту стали нищими»⁵.

Немцы переживали не только экономический, но и политический кризис, а многие — и духовный. В таких условиях легко понять, почему все они задавались вопросами: кто виноват в этих бедах? Почему нам приходится так страдать? Адольф Гитлер утверждал, что знает ответы на эти вопросы. Он говорил своим приверженцам, число которых быстро росло, об ужасных проблемах, которые они переживают, и о том, что надо делать, чтобы исправить сложившуюся ситуацию.

Его выступления стали лучше. Теперь он не только контролировал настроение аудитории, но в первую очередь провоцировал эмоциональный отклик. Часто в начале своей речи, как это было во время его выступления в апреле 1922 года, он обрисовывал ужасную ситуацию, в которой оказалась Германия. «Фактически, — говорил Гитлер, — мы больше не

являемся политически независимым Германским рейхом, мы уже стали колонией внешних сил»⁶.

Затем он обычно вопрошал, кто же несет ответственность за этот кошмар, — и тут у него находилось, чем порадовать слушателей. Поскольку, по мнению Гитлера, выходило, что огромное большинство населения Германии ни в чем не провинилось. Во всем, заявлял он, виноваты евреи. Это они виноваты в развязывании Первой мировой войны, в гримасах капитализма и появлении новых революционных коммунистических веяний, они же стояли за «ноябрьскими преступниками», которые в 1918 году подписали перемирие, ознаменовавшее конец войны. Он утверждал, что представители этого народа не чувствуют себя обязанными ни одному государству, они преданы только другим евреям, невзирая на государственные границы. В мире его безумных фантазий евреи даже пытались стать одновременно по обе стороны баррикад в извечном конфликте рабочих и работодателей, и все это — с целью расколоть общество. «Все они [т. е. евреи] ведут одну общую политику и преследуют общую цель. Когда обладатель акций Моисей Кон начнет безжалостно эксплуатировать рабочих и займет бескомпромиссную позицию по отношению к их требованиям, его брат Исаак Кон, рабочий вожак, должен постараться возбудить трудящихся. “Неужели вы не видите, — завопит Исаак, — как вас беспощадно притесняют и эксплуатируют? Сбросьте ваши цепи!” А ведь его же собственный брат заботится о том, чтобы эти оковы держались крепче»⁷.

Гитлер понимал, что проповедует свои идеи в самом сердце католической Баварии, и был готов в контексте борьбы с евреями сравнивать зарождающееся нацистское движение с учением Христа и его апостолов. «Мои чувства указывают мне, как христианину, что мой Господь и Спаситель — боец, — говорил Гитлер в апреле 1922 года. — Они указывают на человека, который однажды, будучи одинок и окружен малочисленными последователями, распознал истинную сущность евреев и призвал людей к борьбе против них, и Он (правда Божья!) был величайшим не только в страдании, но и в борьбе. В безграничной любви, как христианин и просто человек, я вчитываюсь в отрывок, который рассказывает нам, как Господь наконец восстал во всей своей мощи и, взявши плеть, изгнал из Храма выводок гадюк»⁸.

Вероятность того, что Гитлер уже тогда был таким уж набожным христианином, каким себя изображал, — ничтожна. Но большинство его слушателей, безусловно, были таковыми. И вполне возможно, сами проводили кощунственные параллели между Иисусом и Гитлером. Схожесть, например, заключалась в том, что оба лидера дожили до 30-летнего возраста, прежде чем приступить к реализации своей «миссии», и оба обещали народу избавление от страданий. Чтобы поддержать подобные настроения, нацисты вполне предсказуемо проигнорировали все исторические факты и заявляли, что Иисус не был евреем.

В стремлении Гитлера приписать евреям ответственность за все беды Германии не было ничего необычного. В то время еврейский народ был «козлом отпущения» для всех ультраправых сил. Как объяснял профессор Кристофер Браунинг: «Всякую болезнь немецкого общества можно списать на евреев: военные репарации, грабительство финансистов, многие из которых были евреями, унижение нации. Евреи были также [изображены] “тыловыми крысами”, спекулянтами, наживающимися на войне, которые отсиживались в тылу. Либерализм (считавшийся чисто еврейским изобретением), эмансипация, равенство перед законом, рабочие и солдатские советы и “иудо-большевизм” — все это порождало намного более популярный и радикальный антисемитизм, чем любое политическое влияние. Так что никто не бил тревогу и не звонил в колокола по поводу того, что аргументы Гитлера стали приобретать угрожающую форму, поскольку она, по мнению многих, была уже предопределена. Разумеется, Гитлер призывал немцев покончить с экономическим кризисом, выйти из политического тупика, сделать Германию сильным и уважаемым на международной арене

государством, предотвратить распад немецкой культуры. И все это для него было напрямую связано с антисемитизмом»⁹.

Гитлер с самого начала с презрением относился к демократии и высмеивал понятие «власть народа»¹⁰. Стране нужна не демократия, говорил он, а одна решительная личность, которая возродит былую славу Германии. Основная политическая идея Гитлера заключалась в том, что сильный лидер должен спасти государство и привести его к национальному возрождению через бесклассовость и расовое разделение. Гитлер требовал, чтобы все неарийцы были лишены немецкого гражданства. (Следует еще раз отметить, что идея существования отдельной «арийского» категории среди белых людей и тот факт, что эта группа людей нордического типа является нацией высшего типа, чем все остальные, не были чем-то новым и оригинальным; такого мнения придерживались многие теоретики расизма и до Первой мировой войны.) Когда Германия будет состоять из одних арийцев (а по мнению Гитлера подавляющее большинство населения Германии были арийцами), она станет страной одной «расы», а в дальнейшем сможет упразднить все классовые различия. «И мы скажем себе — нет такого понятия как классы: их и не может быть. Класс означает касту, а каста означает расу»¹¹.

Призыв ко «всем истинным немцам» объединиться и бросить все силы на создание новой Германии особенно привлекательным казался юным баварцам, таким как Эмиль Клейн. «Эта партия хотела искоренить классовые различия, — говорит он. — [При существующем порядке] рабочий класс находится по одну сторону, буржуазия — по другую, а средний класс — по третью. Эти глубоко укоренившиеся понятия разъединяют нацию. Что для меня стало важным, что мне понравилось — это призыв “нация должна объединиться!” Для меня, человека молодого, было очевидно: не может рабочий класс быть отдельно, а средний — отдельно»¹². К этой идее привязывали также мысль о том, что необходимо уничтожить «международное финансовое господство, финансовую мощь евреев». Веря в фантазии Гитлера, Клейн наивно полагал, что эта мощь сконцентрирована где-то в Нью-Йорке. «В этих выступлениях всегда упоминалась Уолл-стрит».

Эмиль Клейн и другие люди, слышавшие ранние выступления Гитлера, отмечали, что его речи словно отправляли людей в своеобразное путешествие. Первая часть этого путешествия — в отчаяние — открывала им ужасные проблемы, с которыми столкнулась страна. Затем аудитории объясняли, что ее вины в этом нет. После этого рисовалась картина прекрасного нового мира, свободного от классовых различий, к которому может привести только сильный лидер, выходец из немецкого народа, который сумеет возглавить национальную революцию. Людям, переживавшим экономический кризис, подобные идеи казались весьма привлекательными.

Гитлера часто обвиняли в «актерстве», но правда заключалась в том, что для своих слушателей из пивных баров, таких как Эмиль Клейн, он был «искренним» во всех отношениях. «Когда я впервые увидел его на собрании в “Хофбройхаусе” [большой пивной ресторан в Мюнхене], — говорил Клейн, — этот человек излучал такую притягательность, что люди верили каждому его слову. И хотя некоторые сегодня утверждают, что он был просто хорошим актером, я должен им возразить, поскольку в противном случае весь немецкий народ можно назвать полными идиотами. Ведь немцы настолько доверились этому человеку, и верили ему до самого последнего дня войны... Я до сих пор считаю, что Гитлер был убежден, что может осуществить то, о чем так страстно мечтал. Что он верил в это честно и всерьез... И все, кто были со мной, все, кто присутствовали на наших партийных собраниях, доверяли ему хотя бы потому, что он сам тоже верил, что он говорил убежденно, а ведь именно этого в те дни недоставало»¹³.

Эмоциональная искренность, которая по убеждению многих отличала Гитлера от других ораторов, является обязательной составляющей харизматического магнетизма. Ганс Франк, который в ходе Второй мировой войны будет править большей частью оккупированной нацистами Польши, слушал речь Гитлера в январе 1920 года, и был поражен тем, что он впоследствии назовет отсутствием фальши. «В первую очередь каждый чувствовал: оратор абсолютно честен, он не собирается убеждать тебя в том, во что сам не верит... А во время передышек между выступлениями он отбрасывал волосы со лба, и его голубые глаза светились настоящей страстью... Его слова шли от души, а сердце билось в одном ритме с нашими сердцами... Он говорил о том, что было в сознании каждого, говорил понятно, и объяснял, что нужно делать, чтобы удовлетворить желания всех страждущих и жаждущих решительных действий... Но дело не только в этом. Он показывал путь, единственный путь для народа, погребенного под развалинами истории — и этот путь выводил из мрачных глубин, и через мужество, веру, готовность к действию, тяжелый труд и преданность вел к большой, светлой цели. С того самого вечера, не будучи членом партии, я уверовал в то, что если подобная задача и под силу одному человеку, то им может быть только Гитлер, только он сможет вершить судьбу Германии»¹⁴.

Гансу Франку было всего лишь 19 лет, когда он впервые услышал выступление Гитлера — и, пожалуй, не стоит удивляться тому, что этот впечатлительный юноша был так взволнован подобными речами, прозвучавшими в столь безрадостные для Германии времена. Значительно сложнее объяснить, почему Герман Геринг, ветеран воздушных сил со множеством наград, командир элитной эскадрильи Рихтгофена во время Первой мировой войны, поверил и подчинился Гитлеру, бывшему солдату, после того, как впервые встретился с ним осенью 1922 года.

Герингу было почти 30 лет, и на момент встречи с Гитлером он был человеком, который привык сам производить впечатление. Будучи одним из пионеров немецкой авиации, он совершил немало подвигов, за что был награжден не только Железным крестом, но и множеством других знаков отличия, среди которых — орден *Pour Le Mérite*, одна из высших наград в Германской империи. Он был возмущен заключением перемирия 11 ноября 1918 года, и всего через восемь дней после этого сказал своей эскадрилье: «Начинается новая борьба за свободу, принципы и мораль. У нас впереди длинный и тяжелый путь, но с нами — правда. Мы должны гордиться тем, что нам предстоит сделать. Мы должны думать об этом. Наше время еще придет»¹⁵.

Осенью 1922 года Геринг вернулся в Германию из Скандинавии, где он сначала работал летчиком на авиационных шоу, а затем — в гражданской авиации, пилотом шведской авиакомпании *Svensk-Lufttrafik*. В феврале 1922 года он женился на недавно разведенной баронессе Карин фон Канцов. Параллельно приступил к изучению политических наук в Мюнхенском университете. Геринг был опытным и настойчивым человеком, вызывавшим у окружающих огромное доверие. Однако Адольф Гитлер покорила его при первой же встрече. «Однажды воскресным днем, в октябре или ноябре 1922 года, я отправился посмотреть на демонстрацию, — рассказывал Геринг во время Нюрнбергского трибунала в ноябре 1946 года. — В конце пригласили выступить Гитлера. Я уже слышал это имя мельком и хотел его послушать. Он отказался выступать, и по чистой случайности я стоял рядом и услышал причины его отказа... Он считал бессмысленным начинать акцию протеста, не имея серьезного перевеса на своей стороне. Это произвело на меня глубокое впечатление. Я был того же мнения»¹⁶.

Заинтригованный, Геринг спустя несколько дней еще раз отправился послушать Гитлера. «Он говорил о Версальском договоре. Он сказал, что... протест может быть удачным только в том случае, если за ним стоит сила, которая придает ему вес. Каждое слово его

речи соответствовало моим внутренним убеждениям». В результате Геринг начал искать личной встречи с Гитлером. «Я просто хотел поговорить с ним и узнать, могу ли я как-нибудь помочь. Он сразу принял меня, и как только я представился, сказал, что само провидение свело нас вместе. Мы говорили о тех вещах, которые были близки нашим сердцам — о поражении нашего отечества... о Версале. Я тогда сказал, что я — в его полном распоряжении и готов сделать все для достижения наиболее важной, на мой взгляд, цели: борьбы против решений Версальского мирного договора».

По словам Геринга, Гитлеру не понадобилось его ни в чем убеждать — их мнение по поводу проблем Германии полностью совпадало. Этот эпизод приоткрывает природу харизмы Гитлера тех лет. Он предложил Герингу, как и многим другим, глубокое чувство убежденности в том, что их взгляды на мир верны¹⁷.

Гитлер обладал еще одним качеством, которое выделяло его во время выступлений — чувством абсолютной уверенности в себе. Выводы Гитлера не оставляли места для сомнений. Он никогда не появлялся на людях, не выбрав предварительно окончательного и непоколебимого решения. Подобную технику он использовал в своих монологах на протяжении многих лет. К примеру, он читал книгу, а затем громко заявлял, какие «правильные» выводы из нее следует извлечь. «Его не интересовали ни «другие мнения», ни обсуждение этой книги», — говорил Август Кубичек¹⁸.

Гитлер также был мастером разделять все на свете на однозначное «или — или». Пользуясь этим приемом, он наглядно объяснял: уничтожен будет или враг (под которым чаще всего подразумевались «евреи»), или все остальные. В его представлении мир делился исключительно на черное и белое. Жизнь рисовалась постоянной борьбой, и не участвовать в ней было невозможно. «Они [люди, которые не принимают активного участия в политике] еще не поняли, на примере советской модели, что не обязательно быть врагом еврея, для того, чтобы оказаться на эшафоте, — говорил он в апреле 1922 года. — Они не понимают, что для того, чтобы обеспечить себе место на эшафоте, достаточно иметь голову на плечах и не быть евреем»¹⁹.

По мнению ранних сторонников Гитлера, он обладал безусловной «харизмой». Следует, однако, заметить, что эти сторонники были заранее предрасположены разглядеть в нем подобную «харизму» в силу своих личных и политических взглядов²⁰. «Едва ли стоит спрашивать, с помощью какого искусства он завоевывал массы, — писал Конрад Гейден, который много раз слушал выступления Гитлера. — Своими словами он озвучивал каждодневные мечты народных масс... Его выступления всегда начинались с глубокого пессимизма, шли через радость искупления и заканчивались триумфом. Его доводы часто могли быть опровергнуты разумом. Но они строились на гораздо более могущественной логике — логике подсознания, которую невозможно опровергнуть... Гитлер вложил речь в уста современных ему масс, онемевших от ужаса...»²¹

Это мнение разделял Отто Штрассер, брат одного из первых лидеров нацистов Грегора Штрассера: «Я могу объяснить это [успех Гитлера в роли оратора] лишь его невероятной интуицией, благодаря которой он безошибочно диагностировал болезни, от которых страдала внимавшая ему аудитория... Он говорил по велению своей души... и быстро превращался в одного из лучших ораторов столетия... Его слова достигали цели как стрелы, он прикасался к каждой ране, высвобождал бессознательное, выражал стремления масс, говорил то, что люди больше всего хотели услышать»²².

К таким же выводам пришел сэр Невил Гендерсон, посол Великобритании в Германии в конце 30-х годов: «Своим успехом в борьбе за власть он [Гитлер] обязан тому, что в его речах отражались подсознательные чаяния слушателей, он умел выразить словами то, к чему его сторонники сами подсознательно тянулись»²³.

Если же внутренние стремления тех, кто сталкивался с Гитлером, не были затронуты его словами, тогда эти люди не находили в нем никакой «харизмы» вообще. Например, Йозеф Фельдер, присутствовавший на выступлении Гитлера в пивной «Хофбройхаус» в Мюнхене в начале 1920-х годов, считал его совершенно неубедительным. Будучи сторонником социал-демократической партии, он находил аргументы Гитлера отвратительными. «Я очень внимательно слушал выступление Гитлера и заметил, что его речь построена на сплошной демагогии. Он как будто швырял хлесткие фразы в аудиторию. Его речь частично касалась социал-демократов и их предательства в 1919 году при подписании Версальского мира. Он начал говорить о ноябрьской революции и «ноябрьском унижении». Затем, разумеется, выдвинул свои доводы против Версальского договора. И наконец, разразился злобными тирадами о том, что во всех мыслимых и немыслимых несчастьях виноваты евреи. Вот тут-то он и подвел антисемитскую базу под свое выступление... Он выдвигал обвинения, которые совершенно не соответствовали действительности. После митинга мы обсуждали его речь всей компанией. И я сказал своему другу: “После подобных высказываний я убедился в том, что такой человек как Гитлер, к счастью, никогда не придет к политической власти”. Все со мной согласилось»²⁴.

Герберт Рихтер, ветеран Первой мировой войны, почувствовал к Гитлеру еще большую антипатию после того, как встретился с ним в одном из мюнхенских кафе в 1921 году. Тот ему «сразу не понравился» своим «скрипучим голосом» и манерой «выкрикивать» «очень, очень простые» политические идеи. Рихтер нашел внешность Гитлера «весьма комичной, особенно его смешные маленькие усики», и пришел к выводу, что он «скользкий» и «не вполне нормальный»²⁵.

Свидетельства таких людей как Герберт Рихтер и Йозеф Фельдер напоминают нам о том, что момент появления Гитлера на политической сцене Мюнхена не был переломным. И хотя некоторым его риторика казалась привлекательной, он все еще представлял лишь небольшую часть потенциальных избирателей. На самом деле, как одно недавнее исследование²⁶ показало, в 1919 году подавляющее большинство солдат, расквартированных в Мюнхене (более 70%), поддерживали не правые силы, а партию социал-демократов.

Но в кругу мелких партий правого политического спектра, так называемых «народных» групп, Гитлер продолжал производить внушительное впечатление. Он быстро стал лидером в крохотной Немецкой рабочей партии и стал не только их самым блестящим оратором, но и пропагандистским вождем. Он вместе с Антоном Дрекслером работал над «партийной программой» и представил результат совместного труда в виде списка из «двадцати пяти пунктов» на собрании 24 февраля 1920 года. Немногим позже партию переименовывают в Национал-социалистическую немецкую рабочую партию (НСДАП) — и именно с этого момента оппоненты начинают сокращенно называть их нацистами.

«Двадцать пять пунктов» партийной программы отражали знакомые темы, на которых Гитлер неоднократно концентрировался в своих выступлениях: требование отмены Версальского и Сен-Жерменского мирных договоров; отмена немецкого гражданства для евреев; запрет на эмиграцию иностранцев в Германию; требование, чтобы только обладатели «немецкой крови» могли считаться настоящими гражданами. В программе также присутствовали меры, направленные на борьбу с капитализмом — участие в прибылях крупных предприятий и немедленная муниципализация больших универсальных магазинов, и отдача их в аренду по низкой цене мелким торговцам.

В программе не упоминалось о том, каким образом будущее нацистское правительство будет практически претворять в жизнь «двадцать пять пунктов». Детали «программы» намеренно были расплывчатыми. Эта неопределенность была выгодна Гитлеру по ряду причин. Она позволяла ему трактовать политику нацистов по своему усмотрению. А впослед-

ствии, когда он станет вождем, это позволит нацистам позиционировать себя как политическое «движение», а не как заурядную политическую партию, связанную по рукам и ногам излишним формулированием и согласованием политических деталей.

Подобная неопределенность и неточность позволяла все более широкому кругу людей поддерживать нацистов, ведь каждый мог подобрать для себя подходящее толкование. Например, их намерение «удалить евреев» можно интерпретировать по-разному — от законодательного запрета для евреев занимать определенные должности до насильственного изгнания евреев из Германии, а возможно и чего-то значительно худшего. Идея нацистов предложить народу свое общее «видение» будущей Германии, а не подробно расписанную политическую программу, также не была нова. Например, члены *Freikorps Oberland* («Добровольческого корпуса Оберланд») также хотели видеть в Германии установление Третьего рейха (преемника «первого» рейха Священной Римской империи и «второго» германского рейха, установленного Бисмарком в 1871 году и завершившегося в 1918 году). И члены этой партии также не вдавались в подробности. «Ничто лучше не характеризует дух *Oberland*, чем идея Третьего рейха, — говорил один из его сторонников. — ...Люди давно мечтали об этом Таинстве — таинстве, которое будет обесценено, как только примет четкие очертания политической программы»²⁷. Так же, как и нацисты, *Oberland* призывали к «подчинению личных потребностей потребностям всего народа»²⁸.

К августу 1921 года Гитлер получил диктаторскую власть в едва оперившейся нацистской партии. Прежние времена заседаний комитета Антона Дрекслера ушли в прошлое навсегда. Однако Гитлер еще не утверждал, что именно он является спасителем Германии. Он заявлял только, что Германия нуждается в спасителе.

«В первые годы мы не говорили “Хайль Гитлер!”, эти слова никогда не произносились, и никто о таком даже не думал, — говорит Бруно Хенель, активный член партии с начала 1920-х годов. — Гитлер еще не был такой центральной фигурой, какой стал впоследствии. Он был просто председателем НСДАП»²⁹.

С самого начала участия Гитлера в деятельности Немецкой рабочей партии стало очевидно, что сила и убедительность, отличавшие его во время выступлений перед толпой, покидали его, когда он общался с двумя-тремя собеседниками. Позднее он признается фотографу Генриху Хоффману: «В узком кругу я никогда не знаю, о чем говорить... На небольшой семейной вечеринке или на похоронах от меня как от оратора нет никакого толка»³⁰.

Многие замечали в Гитлере это противоречие — громадную разницу между его яркими выступлениями на публике и полнейшей бесцветностью в частных беседах. Капитан Майр, «первооткрыватель» Гитлера в первую очередь как оратора, отмечал, что тот был «стеснительным и робким»³¹ среди солдат в казарме, и при этом воодушевлял большую аудиторию, выступая в пивной. Майр впоследствии утверждал, что эта особенность позволила людям более умным со временем использовать Гитлера в своих целях. «В роли вождя, — писал Майр, — Гитлер, пожалуй, являлся самой большой мистификацией, когда-либо случавшейся в мире»³².

Несмотря на то, что к партии нацистов присоединились такие люди как Герман Геринг и Эрнст Рем — личности значительно более проницательные и политически грамотные, офицеры служившие в немецкой армии во время войны, следует признать, что Гитлер никак не подчинялся им. Разумеется, Гитлер заимствовал большинство идей у других. Например, у Готтфрида Федера, политического экономиста, который призывал покончить с «процентным рабством». Но к лету 1921 года Гитлер стал безусловным лидером партии нацистов. В некотором смысле странности Гитлера — в частности, тот факт, что он не способен был «нормально» общаться, и при этом умел зажечь толпу — возымели обратный эффект: появилось ощущение, что Гитлер представляет собой новый тип политического лидера. «В его

личности всегда присутствовали стороны, которые он никогда не показывал другим, — вспоминал один из его давних знакомых. — Он свято хранил свои секреты, и во многом остался для меня загадкой»³³.

Именно это удивительное сочетание — способность Гитлера находить контакт с большой аудиторией, зачастую с помощью подтверждения собственных убеждений слушателей, и неумение общаться с отдельными людьми в повседневной жизни — стало основой становления «харизмы» Гитлера-оратора. Невероятно, но Гитлер сближался с толпой в целом и при этом оставался совершенно далек от отдельного собеседника.

Шарль де Голль, современник Гитлера, считал умение политика создавать «дистанцию» жизненно необходимым. «Прежде всего, — писал де Голль, — авторитет не может обходиться без тайны, поскольку то, что слишком хорошо известно, мало почитается. Во всякой религии есть святая святых, и великий человек не кажется таковым для слуги, который его хорошо знает. В замыслах, манере поведения и ходе мыслей настоящего лидера должно быть “что-то такое”, неуловимое для других, загадка, которая озадачивает, будоражит, привлекает внимание³⁴... Отчужденность, твердый характер, способность сохранять спокойствие — именно эти качества создают образ того, кто готов нести бремя, слишком тяжелое для простых смертных... Он [лидер] должен принять одиночество, которое, согласно Фаге, является “уделом высших существ”»³⁵.

Одним из многих различий между де Голлем и Гитлером — родившимися с разницей в несколько месяцев — было то, что де Голль сознавал пользу «отдаленности» от ведомых им людей, и он работал над ее созданием. Гитлер никогда не предпринимал ничего в этом направлении намеренно. Ему всегда было тяжело общаться с отдельно взятыми людьми — «нормальная» дружба была для него невозможна. Просто в определенный момент эта его особенность вдруг стала ценным преимуществом. Многие последователи Гитлера отмечали его нелюбовь к личному общению, однако воспринимали ее как отличительную особенность харизматичного человека. Своего рода знак героя.

Глава 3

В ожидании героя

Понятия героизма и харизмы тесно переплетаются. Настолько тесно, что Макс Вебер считал «личный героизм» одним из важнейших признаков «истинной харизмы»¹. И не случайно Адольф Гитлер утверждал, что его приход к руководству нацистской партией в значительной мере оправдан его «героическим» прошлым.

После Первой мировой войны многие в Германии мечтали о появлении героя («сильного человека»², как выразился сторонник нацистов Эмиль Клейн), который должен повести их к новой, лучшей жизни. В период с 1919 по 1923 год Гитлер для этих людей неуклонно превращался в «героя, способного повести за собой». В этом он опирался на мощную традицию «героической личности», традицию, утравленную во время становления современного немецкого государства в XIX веке. Например, в память о «героических» деяниях объединившего страну канцлера Бисмарка по всей Германии было воздвигнуто более 200 *Bismarcktürme* (башен Бисмарка). Да и немецкие философы, такие как Артур Шопенгауэр, также боготворили власть великих личностей, а не правительств, а Фридрих Ницше страстно пропагандировал важность появления сильной личности в «безбожном мире». Так, он преклонялся перед Наполеоном, которого считал «воплощением благородного идеала»³.

Немцы с воодушевлением принялись в своей истории искать героические личности. Так, одной из самых популярных достопримечательностей Германии стал *Hermannsdenkmal* (памятник Герману), установленный в 1875 году в Тевтобургском лесу в ознаменование победы германских племен под предводительством Арминия (или Германа, вождя херусков) над римским наместником Публием Квинтилием Варом и тремя его легионами около двух тысяч лет назад.

Перед Первой мировой войной многие члены популярного молодежного движения *Wandervogel* требовали героическую личность, которая спасет немцев от усиливающейся индустриализации и поведет их назад к природе. Питер Вирек писал об одном из таких отрядов *Wandervogel*: «Их энергичные молодые лица преображаются, когда при свете костра кто-нибудь читает вслух книгу любимого автора, Ницше или, пожалуй, Стефана Георге, который в начале 1907 года призывал: “Человек! Поступок! Высший суд народа взывает к Человеку! К Поступку! Быть может, тот, кто томился в ваших тюрьмах и бездействовал среди ваших убийц, восстанет и совершит поступок”»⁴.

Движение *Wandervogel* было основано в 1901 году под воздействием идеалов молодого дипломата Германа Хофмана-Фелькерсамба и в предвоенные годы стало самым популярным молодежным движением. Впоследствии некоторые члены *Wandervogel*, такие как Бруно Хенель, вступили в партию нацистов и принесли с собой юношеский пыл и идеализм. «Мы часто сживали там [за городом] по вечерам и для нас это всегда было целое событие. Позднее моя жена тоже стала принимать участие в наших встречах; мы познакомились еще совсем молодыми. И в дальнейшей жизни мы часто возвращались мыслями к тем временам, ведь это был лучший период нашей жизни. Мы часто пели, у нас были хоровые кружки, коллективы народных танцев. Мы оба, я и моя жена, занимались народными танцами. Всех объединяло настоящее чувство сопричастности, вытекающее из философии *Wandervogel*. Это был своего рода протест против буржуазного мира»⁵.

«Это было реакцией против эры императора Вильгельма, насквозь пронизанной индустриализацией и коммерцией, — подтверждает Фридолин фон Шпаун, еще один член *Wandervogel*, который вырастет в убежденного сторонника Гитлера. — Они были очень

молодыми людьми, им все чертовски надоело, и они вышли на лоно природы и искали в естественной среде то, чего им не хватало в собственном окружении. Я присоединился к движению случайно, в городе Элберфельд — это было еще во время Первой мировой войны. Мы ходили в походы... пели наши песни, готовили еду, играли, занимались спортом... Это было духовное движение»⁶.

Рихард Вагнер, еще один сторонник «духовного движения» и выразитель протеста «против буржуазного мира», был героем для многих членов *Wandervogel* — так же, как и для Адольфа Гитлера. Оперы Вагнера, к примеру, «Кольцо Нибелунгов» (*Der Ring des Nibelungen*), в которых встречались такие эпические фрагменты, как «Сумерки богов» (*Götterdämmerung*), погружали слушателей в атмосферу великих древнескандинавских и немецких саг и мифов. Гитлер был настолько покорен героической романтикой произведений Вагнера, что еще в предвоенной Вене «минимум десять раз»⁷ ходил на оперу «Лоэнгрин», центральный персонаж которой — рыцарь Святого Грааля. Он даже пытался — безуспешно — создать свою собственную героическую оперу под названием «Кузнец Виланд».

Любимым чтением Гитлера в Вене были «Саги немецких героев» (*Die Deutschen Heldensagen*), и, согласно воспоминаниям его соседа Августа Кубичека, Гитлер «отождествлял себя с великими людьми ушедшей эпохи. Ничто не казалось ему более достойным, чем жизнь, полная борьбы и подвигов, самая героическая жизнь на свете...»⁸.

Позже, во время Первой мировой войны, собственные имена отдельных командиров стали давать их воинским частям, подчеркивая важность героической личности. Например, сам Гитлер служил в 16-м резервном Баварском пехотном полку, но известен полк был как «полк Листа», в честь полковника Юлиуса фон Листа, который командовал им в начале войны. Тенденция называть отряды в честь конкретных командиров укрепилась во времена формирования военизированных добровольческих отрядов — фрайкоров, сразу же после окончания Первой мировой войны. Один из самых крупных отрядов, например, был известен как *Rossbach Freikorps*, в честь командира отряда Герхарда Россбаха, другой назывался «Бригадой Эрхарда» в честь его командира бывшего капитана императорского флота Германа Эрхарда. Такие отряды, говорил Фридолин фон Шпаун, сам бывший членом фрайкора, «полностью зависели от личности командира и его качеств»⁹. Более того, Людвиг Генглер отмечал, что «командира отряда фрайкора часто называли фюрером. Его боготворили, как воплощение всех тех качеств, которые доброволец хотел воспитать в себе. Фюрер олицетворял обобщенный идеал. Мессию»¹⁰.

Помимо исторической предрасположенности к культуре «героя», у Гитлера и партии нацистов в начале 1920-х годов появился конкретный пример того, как героический «человек будущего» может оказывать влияние на всю страну. В Италии Бенито Муссолини, который, как и Гитлер, был ранен во время Первой мировой войны, а затем стал активным ультра-националистическим политиком, исповедующим насильственные методы борьбы, создал в 1919 году партию фашистов для того, чтобы бороться с влиянием социалистов и коммунистов. Это убедило Гитлера: именно так «героический» лидер должен явиться миру.

Человеком, который особенно помог Адольфу Гитлеру превратиться в своего рода немецкий аналог итальянского диктатора Бенито Муссолини, был драматург, журналист и выпивоха Дитрих Эккарт. Впервые Гитлер встретил его во время второго посещения собрания Немецкой рабочей партии осенью 1919 года. Эккарт был лыс, всплывчив и выглядел старше своих пятидесяти лет, но при этом он был отъявленным антисемитом, который, как и Гитлер, считал окончание войны и Версальский мирный договор предательством Германии. Он настолько сильно ненавидел евреев, что мечтал, по его собственному признанию, «погрузить их всех в один поезд и сбросить в Красное море»¹¹. Но, в отличие от Гитлера,

у Экарта были хорошие связи в высших кругах Мюнхена и относительный материальный достаток — его пьесы, в особенности, его переложение «Пер Гюнта» Ибсена, приносили неплохой доход. И Экарт ожидал появления такого человека, как Гитлер. В 1919 году он сказал, что Германия нуждается в лидере, который «мог бы строчить из пулемета. Толпа должна быть до смерти напугана. Я не вижу в этой роли офицера — люди перестали уважать их. Лучше всего подошел бы простой вояка, умеющий открывать рот в нужное время... Большого ума ему не нужно; политика — одно из самых глупых дел на свете»¹². Неудивительно, что Экарт сразу же разглядел заложенный в Гитлере потенциал. Перед ним был обычный солдат — вопиющий глас обездоленных и побежденных. Простой солдат, который тем не менее был награжден за мужество Железным крестом. После первой встречи с Гитлером Экарт отметил: «Вот он — будущий немецкий мессия, однажды о нем заговорит весь мир»¹³.

В Мюнхене Экарт представил Гитлера потенциальным покровителям со средствами, и тот неожиданно стал весьма популярен среди женщин определенного возраста. Он так взволновал одну вдову, что ее прозвали *Hitler-Mutti* («мамочка Гитлера»). До самой смерти, наступившей его в 1923 году от сердечного приступа, Экарт помогал Гитлеру и молодой партии нацистов деньгами, в частности, собрал средства на покупку газеты для пропаганды нацистских взглядов — «*Völkischer Beobachter*».

Но, пожалуй, наибольшую практическую помощь Экарт оказал Гитлеру, поддержав его летом 1921 года, когда лидерство Гитлера в партии нацистов оказалось под угрозой. Антон Дрекслер рассматривал возможность объединения партии нацистов с похожей Немецкой социалистической партией (DSP). Дрекслер видел в этом быстрый путь для роста партии. Затем, летом 1921 года, он увлекся работой профессора философии Аугсбургского университета Отто Дикеля. Профессор Дикель написал книгу «Возрождение Запада», идеи которой были схожи с программой «25 пунктов», возникшей годом ранее, хотя Дикель выразил свои мысли на более высоком интеллектуальном уровне. Когда Дрекслер услышал выступление профессора Дикеля, он вместе с другими представителями партии нацистов начал задумываться о возможном альянсе с Дикелем и его партией *Abendländischer Bund* («Западный союз»).

Все эти маневры происходили в тот момент, когда Гитлера не было в Мюнхене, и по возвращении он был глубоко возмущен всеми этими дискуссиями за его спиной. Гитлер в гневе покинул встречу с Дикелем и даже объявил о выходе из партии нацистов. Поведение Гитлера в очередной раз подтверждало то, что он не умел и не хотел участвовать в интеллектуальных дебатах.

Вначале Экарт заинтересовался Дикелем и тем, что он мог нового дать партии, например — интеллект и респектабельность. Но, узнав о выходе Гитлера из партии, он сделал все, чтобы убедить его вернуться. И Гитлер вернулся, но на своих собственных условиях, как бесспорный диктатор партии нацистов. Экарт даже выразил личную поддержку Гитлеру на первой странице газеты «*Völkischer Beobachter*»¹⁴.

Это был важный момент на жизненном пути Гитлера: он больше не был глашатаем будущего, но все еще неизвестного нового вождя Германии. Теперь он самого себя выдвинул кандидатом в вожди. Гитлер продемонстрировал всем, что не готов делиться властью, и что при определенных обстоятельствах может просто отказаться от дальнейшего сотрудничества.

Важно учитывать, что к этому моменту многие люди начали воспринимать Гитлера так, как он оценивал себя сам. Дитрих Экарт, например, хотел бы привлечь профессора Дикеля в нацистскую партию, но, когда Гитлер поставил ультиматум, Экарт был вынужден выбирать, и в дальнейшем ему пришлось принять Гитлера как неоспоримого вождя нацист-

ского движения. Гитлер теперь мог изображать из себя героя, отчасти потому, что другим его непримиримость казалась «героической». С ним очень часто было трудно иметь дело, но именно это и подкупало многих. В конце концов, кто сказал, что «герой» должен быть благоразумен?

В следующем 1922 году партия нацистов выросла за счет новых пополнений. В октябре 1922 года Гитлер смог убедить сторонников *Deutsche Werkgemeinschaft* в Нюрнберге объединиться с партией нацистов. Причем это был уже не тот свободный альянс, который им предлагали год назад, теперь от них потребовали признания Гитлера своим вождем. Этот союз возник в первую очередь благодаря лидеру *Deutsche Werkgemeinschaft* — человеку по имени Юлиус Штрайхер.

Штрайхер слышал выступление Гитлера годом ранее и был потрясен. Выступая свидетелем на суде уже после войны, он сказал: «Я никогда раньше не видел этого человека. Я присел послушать его, среди незнакомых мне людей. Я увидел его незадолго до полуночи, после того, как он выступал на протяжении трех часов. Он был совершенно мокрым от пота, но весь просто светился. Мой сосед утверждал, что видел у него над головой сияние, и я сам чувствовал, что происходит нечто, выходящее за рамки обыденного»¹⁵.

Сам Штрайхер был отъявленным негодяем. В 1923 году он начал выпускать «*Der Stürmer*», садистскую и полу-порнографическую газету, в которой публиковал самые мерзкие антисемитские карикатуры и статьи. Но Штрайхер не слишком выделялся на фоне других сторонников Гитлера, тех, кто составлял костяк партии. Среди видных деятелей НСДАП на тот момент оказались такие люди, как Кристиан Вебер, бывший вышибала ночного клуба, Герман Эссер, крайне агрессивный антисемит, и Эрнст Рем, распутный капитан немецкой армии, который впоследствии напишет: «Я хочу служить народу воинов, а не народу поэтов и мечтателей».¹⁶ Все эти люди имели репутацию отъявленных негодяев, и все они получают в дальнейшем высокие посты в партии нацистов. Однако все эти крайне низкие типы без тени сомнения подписались бы под словами Германа Геринга, который на Нюрнбергском трибунале заявил, что вступил в начале 1920-х в нацистскую партию, потому что был «революционером». Мнение же Отто Штрассера на этот счет было очень простым: «Гитлеру нравилась такая компания, поскольку она подтверждала его глубокое убеждение, что человек по сути своей низок и отвратителен»¹⁷.

Эрнст Рем, в частности, был важной фигурой для нацистов на раннем этапе существования партии отчасти и потому, что помогал вооружать недавно организованное военизированное крыло нацистской партии, СА (*SA, Sturmabteilung* — штурмовые отряды, или штурмовики). Штурмовые отряды официально были созданы в ноябре 1921 года, однако фактически с первых дней существования партии ряд нацистских головорезов — в основном из бывших солдат — «охраняли» партийные собрания в пивных, то есть попросту вышвыривали всех, кто позволял себе прерывать Гитлера. Именно из таких бывших вышибал и был сформирован первый отряд СА¹⁸.

В октябре из Италии пришла весть о том, что Бенито Муссолини стал премьер-министром Италии, и эта новость вызвала большое возбуждение в рядах «революционеров» из партии нацистов. Ведь если ультранационалистический лидер смог получить власть в Италии, почему же это не может произойти в Германии? 3 ноября 1922 года, через несколько дней после прихода Муссолини к власти, Герман Эссер объявил толпе, собравшейся в облюбованном гнездышке нацистов — мюнхенской пивной «Хофбройхаус» — что будущего «немецкого Муссолини зовут Адольф Гитлер»¹⁹. В следующем месяце, декабре 1922 года, газета «*Völkischer Beobachter*» опубликовала статью, где заявила, что Адольф Гитлер больше не является «глашатаем», он и есть тот самый вождь, который спасет Германию»²⁰.

В наступившем 1923 году Гитлер нашел возможность подтвердить свой статус героического революционера. Однако — и это стало ключевым моментом его взлета на вершины власти — для достижения этой цели ему было необходимо воспользоваться кризисом в государстве. К счастью для Гитлера, в 1923 году Германия столкнулась как раз с таким кризисом, когда Франция оккупировала Рур, промышленный регион на западе Германии. По условиям Версальского договора немцам было запрещено размещать войска в этой области, поэтому французы почти не встретили сопротивления, когда 11 января 1923 года вошли на территорию Германии. Премьер-министр Франции Раймон Пуанкаре решился на столь решительные действия, поскольку немцы не выполняли своих обязательств по поставке угля и древесины во Францию, которые должны были составлять часть их репарационных платежей.

Разумеется, французская оккупация вызвала волну народного гнева. «Вот когда мы на самом деле узнали, что французы правят стальной рукой, — говорит Ютта Рюдигер²¹, которая в те времена была еще подростком. — Если что-то было им не по нраву, нам приходилось отведать хлыста, например — если вы вышли на тротуар, вас тут же сгоняют на мостовую... Было много притеснений». Германия была вынуждена, с одной стороны, как-то справляться с французами в Руре, а с другой — как-то существовать в условиях гиперинфляции. «В 1923 году, — вспоминает Ютта Рюдигер, — школьная тетрадка стоила около трех миллиардов марок».

Гитлер не призывал своих сторонников участвовать в пассивном сопротивлении, которое некоторые немцы по призыву правительства оказывали французам в Руре. Его внимание по-прежнему было приковано к Муссолини в Италии, и этот пример вдохновлял его. Гитлер понимал, что ему необходима, — по крайней мере, негласная — поддержка рейхсвера, немецких вооруженных сил, для «марша на Берлин» (по итальянскому образцу), чтобы свергнуть правительство. Однако, когда в мае 1923 года нацисты попробовали в качестве первого шага к национальной революции возмутить солдат рейхсвера, маршировавших по полю Обервизенфельд в Мюнхене, их попытки полностью провалились. Несмотря на это, Гитлер считал, что пришло время действовать. Кто знает, как долго продлится кризис? Поэтому в ноябре 1923 года он устроил Пивной путч — и это событие впервые сделает имя Гитлера известным на всю страну, хоть и вовсе не таким образом, как он на это рассчитывал.

Никто из организаторов «Пивного путча» до конца не понимал, станет ли Гитлер настоящим «героическим» соответствием Муссолини. Гитлер пригласил принять участие в нацистском перевороте генерала Эриха Людендорфа, героя-победителя битвы при Танненберге времен Первой мировой войны. Однако было неясно, какая роль отводилась генералу. Будет ли Людендорф просто боевым военным командиром, а Гитлер — политическим вождем революции, или Людендорф станет настоящим героем, для которого Гитлер просто подготовит почву?

К концу 1923 года стало понятно, что Гитлер решил взять инициативу в свои руки. План был прост: заставить лидеров авторитарного правительства Баварии заявить о своей поддержке нацистского «марша на Берлин» с целью свержения находящихся при власти «ноябрьских преступников».

И хотя было совершенно очевидно, что нацисты нуждаются в помощи — или хотя бы в молчаливом согласии — баварских политических лидеров и сил государственной безопасности, Гитлер решил, что переворот должен произойти в тот момент, когда комиссар земли Бавария Густав фон Кар будет выступать на митинге в пивной «Бюргербройкеллер» в Мюнхене. Кар фактически был диктатором Баварии, назначенным в сентябре 1923 года в связи с кризисом берлинского правительства, вызванным угрозой повторения революции.

По некоторым признакам, план мог сработать — правительство Баварии, например, относилось к нацистам с большей симпатией, чем власти других немецких земель. В большей части Германии нацистское движение было запрещено за год до этого, после убийства

Вальтера Ратенау, министра иностранных дел и еврея по национальности. Но в Баварии нацисты по-прежнему активно действовали, а Кар разделял презрительное отношение Гитлера к берлинскому правительству.

Решение начать мятеж во время выступления Кара давало нацистам определенные преимущества, ведь на собрании будут присутствовать и глава баварской полиции Ганс фон Зайссер, и командующий вооруженными силами Баварии генерал Отто фон Лоссов. Авантюрный замысел Гитлера заключался в том, что, будучи поставленными перед фактом, все ключевые фигуры Баварии согласятся примкнуть к запланированному им перевороту.

Итак, приблизительно в 8.20 вечера 8 ноября 1923 года Гитлер и свыше дюжины его единомышленников, включая Германа Геринга, Рудольфа Гесса и Альфреда Розенберга, направились в пивную «Бюргербройкеллер», в которой фон Кар выступал перед многотысячной аудиторией. В это время штурмовики незаметно оцепили зал. Выстрелив в потолок пивной, Гитлер объявил, что национальная революция началась. Фон Кар, фон Лоссов и фон Зайссер были заперты в одной из примыкающих к залу комнат.

И тут Гитлер столкнулся с проблемой: ни один из троих захваченных баварских деятелей не горел желанием поддерживать нацистов. Понадобился приезд Людендорфа в пивную для того, чтобы получить их вялое согласие. Гитлер, мелодраматично заявив Кару и его коллегам, что покончит с собой в случае провала государственного переворота, удалился искать поддержку в других местах Мюнхена, оставив Людендорфа контролировать пивную «Бюргербройкеллер». Однако Людендорф, будучи офицером старой закалки, взяв с фон Кара, фон Зайссера и фон Лоссова слово чести, что они поддержат революцию, отпустил их. Это была катастрофическая ошибка, которую Гитлер осознал, вернувшись поздней ночью в «Бюргербройкеллер» и обнаружив, что столь важная тройка исчезла. Причем все трое тут же отреклись от поддержки Гитлера и стали активно выступать против нацистского путча.

Нацисты не разрабатывали для переворота никакой стратегии, поэтому на следующий день без подготовки был спешно организован марш по улицам Мюнхена. В ночь перед ним группа нацистов успела совершить ограбление — была ограблена фабрика, на которой печатались банкноты достоинством в один миллиард марок. В марше принимал участие Эмиль Клейн. Он вспоминает о выстрелах, которые начали раздаваться, как только нацисты и их сторонники достигли военного мемориала *Feldherrnhalle* («Зала баварских полководцев») в центре Мюнхена, где они и столкнулись с баварской полицией. «Первое, о чем все подумали: ранен ли Гитлер? — говорит Эмиль Клейн. — Ранен ли Людендорф? Люди бросились врассыпную. Конечно, если стреляют, нужно искать укрытие. Мы же, будучи хорошо обученными штурмовиками СА, знали что делать, когда начинается пальба... Затем люди снова стали собираться, чтобы посмотреть, что же произошло. Творилась полная неразбериха, никто толком не понимал, что происходит. Одно мы знали наверняка. Кар и остальные предали дело. Все они не сдержали слова. Они дали слово чести, скрепив его рукопожатием, но тут же нарушили его. Гитлер остался в одиночестве»²².

В самый разгар перестрелки возле *Feldherrnhalle* — никто так точно и не узнал, кто первым открыл огонь — человек, стоявший возле Гитлера, Эрвин фон Шойбнер-Рихтер, был убит. Гитлер бросился на землю, что в дальнейшем его недоброжелатели назовут проявлением трусости²³. Однако Эмиль Клейн категорически это отрицает, утверждая, что Гитлер «всегда» был храбрым. «Я всегда удивлялся тому, что Гитлера сопровождали в поездках всего два человека личной охраны, [и] он всегда ездил на машине с открытым верхом».

Людендорф продемонстрировал большую личную отвагу, продолжив идти через ряды полицейских и вывел на другую сторону площади, не получив при этом ни царапины. Всего в тот день было убито 16 сторонников Гитлера и четверо баварских полицейских. Значительно большее количество людей было ранено, среди них — Герман Геринг. После ранения

в паховую область его вынесли с площади и, оказав первую медицинскую помощь, тайно вывезли через австрийскую границу в одну из больниц Инсбрука.

Гитлер был арестован через два дня после этих событий. Он чудовищно плохо руководил операцией. Не сумел после захвата пивной «Бюргербройкеллер» обеспечить надежной охраны фон Кару, фон Зайссеру и фон Лоссову. Не имел вразумительного плана на случай, если баварские руководители откажутся поддерживать путч. Более того, Гитлер не сдержал своего обещания покончить с собой в случае провала революции, и теперь находился под арестом баварских властей в ожидании суда. Все это как-то мало напоминало поведение «харизматичного героя».

Суд над Гитлером начался 26 февраля 1924 года в Мюнхене. С самого начала Гитлер выбрал тактику, которая со стороны казалась весьма рискованной — он не только признался в содеянном, но и, казалось, гордился им. Мало того, он открыто заявил на суде о том, какую роль он отводит себе в дальнейшей борьбе. «Я решил истребить марксизм», — сообщил он. И хотя, по его словам, раньше он был лишь «глашатаем», теперь он «требовал себе руководство в политической борьбе». В заключение он заявил, что является тем самым «героем», который спасет Германию: «Я требую, чтобы руководство организацией, в которой мы все испытываем потребность и к которой вы также внутренне стремитесь, должно перейти к герою, который, в глазах всей немецкой молодежи, призван для этого»²⁴.

Баварские сторонники Гитлера рассматривали его поведение на суде как свидетельство силы характера их вождя. «Я сказал себе, что Гитлер проявил себя отменно и вел себя достойно перед судом, — говорит Эмиль Кляйн. — Важно, чтобы человек мог постоять за себя, даже если он делает что-то не так. И у меня создалось впечатление, что на этом процессе Гитлер постоял за себя»²⁵. Судебный процесс широко освещался, и Гитлер впервые стал известен большому количеству людей по всей Германии. Многие, вслед за Эмилем Клейном, стали считать его человеком цельным, храбрым и отважным — фактически «харизматичным героем». В значительной степени это произошло из-за вызывающего поведения Гитлера на суде, обвинявшем его в государственной измене, несмотря на неопровержимые доказательства, что сам по себе переворот серьезно недооценивался.

Однако еще до своего выступления Гитлер знал, что судьбы будут к нему снисходительны. Председательствующий судья Георг Найтхард уже однажды доказал, что симпатизирует Гитлеру и нацистам²⁶. К тому же Гитлер осознавал, что в принципе он может выступить с разоблачениями Кара и властей Баварии, которые оказались в откровенно щекотливом положении. Ведь разве Кар лично не согласился участвовать в «государственном перевороте» перед многотысячной аудиторией в «Бюргербройкеллер»?

Людей, посвященных в такие подробности, совершенно не удивил снисходительный приговор, вынесенный Гитлеру. Лондонская газета «Таймс» писала: «Весь Мюнхен смеется над приговором, который подтверждает, что заговор против конституции рейха не считается в Баварии серьезным преступлением»²⁷.

Гитлеру дали минимально возможный срок — пять лет — и выпустили значительно раньше его истечения: преступник получил условное освобождение на поруки. Однако и в тюрьме он не терял времени зря. Находясь в заключении, Гитлер строил планы и размышлял, как недвусмысленно выставить себя в глазах народа харизматичным «героем», чья «миссия» — спасти Германию.

Глава 4 Замысел

Политический лидер, который хочет, чтобы его считали по-настоящему харизматичным, должен иметь вразумительное представление о будущем — картину мира, основанную на особенном понимании действительности. Согласно Макс Веберу, харизматичный лидер должен быть не просто героем, но пророком¹. В 1924 году Гитлер попытался изложить свои убеждения в книге «Майн кампф» («Моя борьба») и, несмотря на незрелость и ужасную манеру изложения, «Майн кампф» имеет первостепенное значение для понимания эволюции Гитлера как харизматичного лидера.

Тремя годами ранее Гитлер столкнулся с этой задачей, когда первые лица НСДАП стали носиться с идеей о сотрудничестве с профессором Дикелем, автором книги «Возрождение Запада». И хотя Гитлер задушил эту инициативу в зародыше и серьезно расширил с тех пор свои полномочия, его до сих пор тревожили воспоминания о том, как этот «интеллектуал» продемонстрировал ущербность его политических рассуждений. «Майн кампф» предназначалась, чтобы показать всем: Гитлер больше не является агитатором из пивной, он теперь — политический мыслитель с широким кругозором.

Эта книга, безусловно, представляет вниманию читателя связную картину мира, но от этой картины волосы встают дыбом. По Гитлеру, мы живем в холодной вселенной, где существует только непрерывная борьба. И если ты не можешь победить в этой борьбе, то заслуживаешь смерти. За жесткой реальностью борьбы между различными людьми за превосходство нет никакой моральной структуры. «Тот, кто хочет жить, — пишет Гитлер, — должен бороться, а тот, кто не хочет бороться в мире всеобщей борьбы, не заслуживают права на жизнь»².

А вот чему и вовсе нет места в «Майн кампф» — и этому факту до сих пор не уделяют должного внимания, — так это какого-либо внимания к христианству. Германия была христианским обществом на протяжении тысячи лет, и поэтому вера в *христианского* Бога, в искупление людских грехов и бессмертие души лежала в основе жизни миллионов немцев. Но в книге «Майн кампф» Гитлер оставил мало места для этих чувств. Позднее он будет вносить изменения в свои речи о религии в зависимости от времени и ситуации, но основные его убеждения выражены именно в этой работе. И хотя в одном-единственном предложении он упомянул о том, что «религию арийцев невозможно себе представить без жизни после смерти в той или иной форме»³, суть книги заключается в полном скептицизме. Гитлер никогда не интересовался тем, какую «форму» может принять жизнь после смерти, он даже не задумывался над тем, верит ли он в это сам. Как следствие, читая «Майн кампф», мы видим, что, хотя Гитлер и допускал мысль о Боге как о Творце, он не признавал христианской трактовки рая и ада, а также — спасения каждой отдельной души. Этот анализ, как увидим позднее, подтверждается многими более поздними высказываниями Гитлера на эту тему в частных высказываниях⁴. Мало места отводилось в его трактовке и отдельной личности за пределами практического опыта «здесь» и «сейчас». Мы все животные и, подобно другим животным, имеем ограниченный выбор — уничтожить или быть уничтоженными.

Гитлер изображает животную природу человеческой жизни в мельчайших подробностях. Эрнст Беккер описал последствия подобных убеждений спустя 50 лет в книге «Отрицание смерти», за которую он получил Пулитцеровскую премию. Он спрашивает: «Что мы можем поделать с мирозданием, в котором организмы борются за существование с помощью зубов и клыков — грызут, обгладывают плоть, поедают растения, перемалывают кости, с восторгом заглатывают все живое, усваивая его субстанцию, а затем выделяют его, сопро-

вождая процесс зловонными газами? Каждый стремится сожрать другого, если тот для него съедобен»⁵.

Мнение, которое выразил здесь Беккер, было бы, безусловно, поддержано Гитлером. Гитлер считал, что жизнь — это «пожирание» слабых сильными, хотя он не согласился бы с выводами Беккера о том, к чему это может привести. Согласно Беккеру, нельзя требовать от человека поверить, что после звериной борьбы за выживание он исчезнет навсегда. «Вы понимаете, насколько ужасно ощутить себя животным. Те, кто утверждает, что полностью осознав свое положение, человек может сойти с ума, — правы, несомненно, правы»⁶. Гитлер же, напротив, находил весьма жизнеутверждающими мысли о мире, в котором сильные уничтожают слабых. Это было потому, что он объединял свои квазидарвинистские взгляды с идеей расы. Ведь речь шла не столько о том, что одна сильная личность уничтожает другую, более слабую, сколько о том, что более сильная раса должна уничтожить другие расы. «Арийская» раса, писал Гитлер, является «высшей» расой, ответственной за «всю человеческую культуру».⁷ Суть его идеи сводится к тому, что отдельная человеческая жизнь важна лишь потому, что вливается в жизнь «расы». Личности, подчиняющие себя благу своего расового сообщества, ведут самую лучшую жизнь. Жизнь твоя на самом деле имеет следовательно некий смысл, и хотя ты, как отдельная личность, можешь больше не жить, но если ты вел правильную жизнь, то тогда расовое сообщество, к которому ты принадлежал, будет процветать после твоей смерти.

Согласно Гитлеру, главным врагом в борьбе за расовое превосходство являются евреи. «Майн кампф» полна враждой едва ли не в каждом параграфе, но больше всего ненависть направлена на евреев. «Еврей — типичный паразит, — пишет Гитлер, — дармод, который подобно вредоносной бацилле размножается в любой благоприятной среде»⁸. И хотя Гитлер не призывает уничтожить всех евреев, он дает понять, что «жертвы» немецких солдат во время Первой мировой войны были бы не напрасными, если бы «двенадцать или пятнадцать тысяч еврейских развратителей человечества отравили бы ядовитыми газами»⁹. Гитлер также объединял иудаизм и марксизм и говорил, что «судьба» обязывает немецкий народ колонизировать земли «России и зависимых от нее смежных стран»¹⁰. Он призывал своих читателей «не забывать, что сегодняшние правители России — обыкновенные кровавые преступники»¹¹.

Гитлер пришел к таким мрачным и жестоким убеждениям под воздействием многих различных источников. У социальных дарвинистов он позаимствовал идею о том, что смысл жизни заключается в борьбе; у Артура де Гобино, автора «Неравенства человеческих рас», и его последователей — идею превосходства арийской расы. Опыт событий на Восточном фронте в конце Первой мировой войны — когда Германия захватила сельскохозяйственные земли у только что созданной Советской России (и потеряла их по окончании войны) — подсказал ему идею создания империи на Востоке. А у Альфреда Розенберга, нациста, родившегося в Прибалтике, Гитлер почерпнул идею взаимосвязи иудаизма и большевизма. Перемешав все эти ингредиенты, он получил свою убийственную философию. Теперь она вполне оформилась.

Аргументация Гитлера была такова: жизнь — это борьба рас за жизненное пространство; основную опасность для арийцев в этой борьбе представляют евреи; Советским Союзом управляют евреи; у Советского Союза есть сельскохозяйственные земли, которые нужны немецким арийцам. Вывод: создание арийской немецкой империи на плодородных землях западной части Советского Союза одновременно решит три проблемы: уничтожит угрозу большевизма, еврейскую угрозу, а также даст Германии *Lebensraum*, драгоценное «жизненное пространство».

В этой специфической логической цепочке одно звено тянуло за собой другое — что и делало мировоззрение Гитлера таким простым и ясным. Если ты не считаешь, что евреи представляют угрозу, или что Советский Союз управляется евреями, или не согласен с любым другим аспектом политического мышления Гитлера, он просто оттолкнет тебя как человека «ошибающегося» и не умеющего разглядеть у себя под носом очевидные факты. Но если ты соглашаешься с одним из звеньев цепи, то сразу попадаешь на карусель, в которой одна идея тянет за собой другую.

Сосредоточившись на главной идее — идее ненависти, борьбы и завоевания — Гитлер пытается создать из автобиографии связную историю, которая подтвердит слаженность его взглядов на жизнь. Но, как мы уже заметили и как исторические исследования за последние 20 лет продемонстрировали, многие автобиографические подробности являются лишь грубой попыткой переписать историю. До 1919 года Гитлер не был столь тверд в своих убеждениях, как он пытается утверждать на страницах «Майн кампф».

В любом случае, «Майн кампф» остается довольно необычным трудом, ведь нет никаких доказательств того, что большинство немцев соглашались с двумя основными идеями, которыми был так увлечен Гитлер: стремлением к систематическому преследованию евреев и необходимостью захватить и колонизировать земли западных территорий СССР. В конце концов, идея «колонизации» части Советского Союза, безусловно, означала очередную войну.

Какой же политик станет проповедовать взгляды, которые лишают поддержки электората? Возможно, кто-то скажет — это политик «с убеждениями» — человек, который сначала предлагает непривлекательные политические меры, а затем убеждает общественность в их необходимости. Но наш случай — не из этого числа. К моменту, когда у нацистов появилась возможность совершить политический прорыв, начиная с 1929 года Гитлер старался не слишком акцентировать внимание на двух своих основных идеях. Он конечно же оставался антисемитом, все еще ненавидел Советский Союз и никогда публично не отказывался от этих своих взглядов, однако старался выдвинуть на первый план другие, более популярные взгляды — отказ от условий мирных соглашений после Первой мировой войны и призыв к созданию новой объединенной Германии, к братству и взаимопониманию.

Но пусть даже впоследствии Гитлер не настаивал на основных идеях, развитых им в «Майн кампф», в той степени, как его собственные взгляды могли бы предполагать, книга тем не менее существует, и все, кто интересуется взглядами Адольфа Гитлера, могут с ней ознакомиться. Естественно, сторонники нацизма утверждают, что тексты Гитлера не следует воспринимать «буквально» и что писал он зачастую иносказательно. Йоханнес Цанн, экономист, разделявший некоторые аспекты нацистской политики, писал: «Чтение “Майн кампф” сродни вере в заветы Библии. Заветы есть, но ведь никто не ждет, что они будут выполнены на сто процентов»¹². По мнению дипломата Манфреда фон Шредера, «Майн кампф» была книгой, на которую можно было не обращать внимания. «Никто, знаете ли, не считал “Майн кампф” чем-то важным. Просто молодой человек написал книгу — что сейчас думают политики о своих словах, сказанных 20 лет назад! Поэтому никто не воспринимал ее серьезно. Я прочитал ее один раз, вероятно, в студенческие годы, нашел ее не очень интересной и больше ни разу не открывал. Может, кто-то ее и перечитывал, но не я»¹³. Герберт Рихтер, сражавшийся в Первой мировой войне и работавший в дальнейшем в Министерстве иностранных дел Германии, говорил, что начал читать эту книгу и не закончил, поскольку счел ее полным бредом. «Так думало большинство образованных людей»¹⁴.

Поскольку эти комментарии были даны уже после войны, можно предположить, что люди дали их из меркантильных соображений. Но ведь было еще множество людей, считавших, что «Майн кампф» трудно или даже невозможно читать. Бенито Муссолини, например,

она показалась настолько скучной, что он не смог осилить ее до конца¹⁵. Более того, в разных главах книги показан разный подход к проблемам, и если в одной главе Гитлер призывает травить евреев «ядовитым газом», то в другой подходит к вопросу более обобщенно, говорит о необходимости изгнать евреев и лишить их гражданства, но никак не убивать *en masse*.

Следует тем не менее признать, что, хотя лишь немногие немцы 1920-х годов поддерживали дикие идеи Гитлера, описанные в «Майн кампф», многие все же соглашались с Йоханнесом Цанном, который утверждал, что влияние евреев в Германии «зашло слишком далеко», и с Гербертом Рихтером, считавшим, что конец Первой мировой войны был слишком жестоким для немцев и что утраченные восточные земли необходимо вернуть. Таким образом, призывая преследовать евреев и отбирать земли у Советского Союза, Гитлер всего лишь в резкой форме выражал те же идеи, которые в более мягкой трактовке принимали многие немцы¹⁶.

И все же, читая «Майн кампф», нелегко отделаться от мысли, что это творение маниакального, почти душевнобольного человека. В первую очередь — из-за жестокости, которой буквально пропитана вся книга.

«Дело в том, что все его программы, даже мирные, предполагают кровопролитие, — писал Конрад Гейден. — Это придавало его внешней политике зловещий оттенок. Говорил ли он об искусстве, об образовании, об экономике — во всем он видел кровь»¹⁷. В равной степени в «Майн кампф» присутствуют невероятные амбиции и тщеславие. Гитлер был 35-летним осужденным террористом, который с небольшой шайкой единомышленников предпринял безнадежную попытку переворота в Баварии. И при этом предлагал читателям книгу, в которой фривольно рассуждал о внешней политике Германии, одного из крупнейших государств Европы.

Следует отметить, что Гитлер фактически ни о чьих больше заслугах, кроме как о своих, в развитии нацистской партии, не пишет. Он не просто помещает себя в центр событий, но и подает себя как практически единственного их субъекта. «Сочетание навыков теоретика, организатора и лидера в одном лице — редчайшая комбинация, которая не часто встречается, — писал Гитлер в «Майн кампф». — Это сочетание отличает великого человека»¹⁸. Вне всяческих сомнений, Гитлер хотел заставить весь мир считать именно его этим «великим человеком».

Двухтомник «Майн кампф», первый том которого был выпущен в 1925 году, а второй — в 1926 году, не стал бестселлером, по крайней мере поначалу. К 1929 году, например, было продано меньше 15 000 экземпляров второго тома. И только дальнейший успех Гитлера на выборах обеспечил книге рекордный тираж — к 1945 году только в Германии было продано десять миллионов экземпляров¹⁹.

Гитлера выпустили из Ландсбергской тюрьмы 20 декабря 1924 года, в полдень. Из назначенного ему пятилетнего срока он отсидел не полные 38 недель. Прокурор Баварии выступил против досрочного освобождения Гитлера, но Баварский верховный суд не согласился и распорядился выпустить его на свободу.

За время недолгого отсутствия Гитлера нацистская партия начала разваливаться. Альфред Розенберг, назначенный Гитлером главой партии на время своего заключения, не смог контролировать все подводные течения в организации. Тот факт, что Гитлер назначил своим заместителем слабого и слишком склонного к теоретизированию Розенберга, свидетельствует о его нежелании подвергать риску свою абсолютную власть — даже в ущерб общему делу.

Гитлер вышел из Ландсбергской тюрьмы вождем не только нацистской партии, но и большей части националистически настроенных правых сил страны. Теперь он также считал, что нацистам следует попробовать другой способ прихода к власти — через избиратель-

ные урны²⁰. Одна из его знаменитых фраз гласит: «Чтобы победить их на выборах, нужно больше времени, чем на то, чтобы перестрелять, но зато, по крайней мере, результат будет гарантирован их собственной конституцией!»

Хотя Гитлеру после выхода из тюрьмы и было позволено воссоздать партию, выступать публично почти на всей территории Германии ему запретили. Но при этом его основные оппоненты потихоньку исчезали с политической арены. В марте 1925 года его бывший соратник по Пивному путчу, Эрих Людендорф, принял участие в президентских выборах и катастрофически провалился, набрав немногим более одного процента голосов. Людендорф совершил политическое самоубийство. Теперь никто больше не сможет назвать Гитлера человеком Людендорфа.

Гитлер делал все, чтобы укрепить свои позиции как лидера партии. И тут, в первые месяцы после освобождения из тюрьмы, самый большой вызов для него исходил от Грегора Штрассера. По просьбе Гитлера Штрассер, продав аптеку в Баварии, переехал на север Германии, чтобы помочь в организации нацистской партии там. Штрассер воспользовался этой возможностью, чтобы открыть дискуссию среди северогерманских сторонников о точном содержании политики НСДАП. В этих дискуссиях принимал участие молодой последователь Штрассера Йозеф Геббельс. Это был относительно новый член партии, который присоединился к нацистам только в конце 1924 года, защитив к тому моменту докторскую диссертацию по немецкой литературе.

Штрассер не пытался потеснить Гитлера с его позиции вождя нацистов, но его попытки внести изменения в политику партии казались Гитлеру опасными. И реальная суть их разногласий сводилась вовсе не к степени социализма в движении, что считалось официальным предметом споров между Штрассером, представителем социалистического крыла НСДАП, и Гитлером. Истинное противоречие заключалось в следующем: будет ли партия нацистов «нормальной» политической партией, в которой позволительна внутренняя дискуссия, или же она будет «движением», единолично ведомым харизматическим вождем.

Еще одной проблемой, с которой столкнулся Гитлер, был тот факт, что Штрассер и другие лидеры нацистской партии в северной Германии были не в ладах с руководством в Мюнхене, за исключением, конечно, самого Гитлера. Подход Гитлера к этому вопросу может служить прекрасным примером его отношения ко всем разногласиям, которые возникали в руководстве партии. Суть этого отношения заключалась в максимально полном невмешательстве. Он интуитивно понимал, что поддержка той или иной стороны приводит лишь к отчуждению недовольной фракции. Такой стиль руководства шел вразрез с его глубоким убеждением в том, что люди в борьбе должны выяснять отношения между собой. А невмешательство, наоборот, соответствовало его пассивному характеру. В конечном счете ну что ему было до того, что Грегор Штрассер или какой-нибудь другой нацист с севера не поладит с Юлиусом Штрайхером и Германом Эссером из Баварии?

Однако подобное спокойное отношение кардинально менялось, когда под сомнение был поставлен личный авторитет Гитлера как абсолютного диктатора нацистской партии. Именно это произошло в ноябре 1925 года, когда северная группа нацистских деятелей обратилась к Грегору Штрассеру с просьбой внести поправки в политическую программу, которую Гитлер с Дрекслером разработали в 1920 году. Штрассер охотно за это взялся, но некоторые из предложенных им нововведений — скажем, перераспределение земли — противоречили стремлению Гитлера сделать партию нацистов более привлекательной в деловых кругах. Поэтому Гитлер созвал экстренную партийную конференцию, которая состоялась 14 февраля 1926 года в городе Бамберг на севере Баварии, на которой наряду с мюнхенскими сторонниками Гитлера — Эссером, Штрайхером и Федером — присутствовали Штрассер и Геббельс.

Разумеется, Гитлер не вступал в дебаты со Штрассером. Два часа он морализировал, отстаивая свое — а значит, и нацистское — неизбежное несогласие с изменениями, которые Штрассер и его сторонники хотели внести в программу. Геббельс был абсолютно подавлен. Его расстроили не так взгляды Гитлера, считавшего уничтожение большевизма одной из основных задач нацистов — сам Геббельс планировал сотрудничать с Советами в борьбе с так называемой еврейской властью на Западе, — а сам характер проведения конференции. Гитлер выступал, его сторонники согласно кивали головами, затем произошел короткий обмен мнениями, сжатое выступление Штрассера — и все. Программа осталась слово в слово такой, какой ее записали в 1920 году.

Геббельс писал, что чувствовал себя и Штрассера «бедными родственниками, рассыпающими бисер перед свиньями», а также, что «больше не может всецело доверять Гитлеру»²¹. Он был «в отчаянии». Но у него было ощущение, что Гитлер ограничен в своих действиях своими мюнхенскими товарищами по партии, и потому считал, что для Штрассера и его сторонников остался один выход — поговорить с Гитлером напрямую.

Вера Геббельса в то, что проблему можно решить, если отстранить от Гитлера его «подлых» советчиков, является красноречивым примером отношения, которое вскоре станет повсеместным в нацистском государстве. Мысль о том, что «если бы только Гитлер знал», все было бы по-другому, станет важным предохранительным клапаном для режима, стремившегося уберечь своего вождя от критики. Удивительно не то, что у Геббельса сформировалось такое отношение еще на ранней стадии развития нацизма, а то, что возникло оно вопреки очевидным фактам, свидетельствующим о прямо противоположном. И не было никаких «подлых» лиц, которые вычитывали бы в Бамберге Штрассера и Геббельса за их ошибки. Их вычитал сам Гитлер. Так отчего же Геббельс считал, что разговор с Гитлером что-либо изменит? Уже тогда Адольф Гитлер был абсолютно не способен хоть чем-то поступиться в вопросах, которые считал по-настоящему важными.

Объяснение довольно просто: Геббельс в своем воображении наделял Гитлера теми качествами, которые хотел в нем видеть. Геббельс понимал, что он — часть политической структуры, которая наделила вождя абсолютной властью, и единственным способом изменить политику партии — было изменить точку зрения вождя.

Гитлер все это понимал. И хотел поскорее заделать трещину, возникшую в его отношениях с Геббельсом, очевидно, осознавая потенциальную ценность этого 28-летнего радикально настроенного интеллектуала для нацистской партии. Поэтому Гитлер написал Геббельсу и пригласил его выступить в Мюнхене в апреле 1926 года. В результате отношение Геббельса к Гитлеру совершенно поменялось. Геббельс даже не попытался переубедить Гитлера в вопросах, обсуждение которых так расстроило его в Бамберге. Наоборот, он совершенно поддался силе гитлеровского обаяния. «Я люблю его, — пишет он в своем дневнике. — Он все прекрасно продумал. Такой блестящий ум может быть моим вождем. Я даже склоняюсь к большему: он — политический гений»²². Вскоре после этого он напишет: «Адольф Гитлер, я люблю тебя, потому что ты велик и прост одновременно. Это именно то, что называется гениальностью»²³.

Критики²⁴ Геббельса утверждали, что он изменил свое мнение о Гитлере, поскольку прельстился привилегиями и властью, которыми нацисты — и в первую очередь Гитлер — обладали в Мюнхене, в отличие от группы Штрассера на севере. Но записи Геббельса в дневниках и его поведение в то время свидетельствуют, что он искренне верил в то, что нацизм — не просто политическая партия, а целое движение, а Гитлер не просто политический вождь, а скорее почти религиозный пророк. И Геббельс решил отказаться от позиции Штрассера о важности тонкостей в политике, а вместо этого полностью положиться на суждения Гитлера во всех важных вопросах.

Значение «веры» в понимании действий членов нацистской партии в это время является ключевым, как это признал и сам Гитлер. В 1927 году он сказал: «Не сомневайтесь, мы тоже ставим на первое место веру, а не познание. Человек должен верить в общее дело. Только вера создает государство. Что заставляет людей идти и сражаться за религиозные идеи? Не познание, а слепая вера»²⁵. Подчеркивая жизненную важность «веры», Гитлер подражает Бенито Муссолини, который еще в 1912 году написал: «Мы хотим верить, мы должны верить; человечеству необходима вера. Вера может сдвинуть гору, поскольку дает нам иллюзию сдвинувшейся горы. Эта иллюзия, пожалуй, единственная реальная вещь в жизни»²⁶.

Рудольф Гесс, на тот момент один из самых близких к Гитлеру людей, тоже писал о том, как важно воспитать в единомышленниках преданность общему делу, выходящую за рамки обычной лояльности, характерной для сторонников традиционных политических партий. «Огромная популярность вождя, — говорил он в 1927 году, — сродни популярности великого основателя религии. Он должен внушать своим слушателям благоговейную веру. Только так можно повести своих сторонников туда, куда им надлежит идти. Они последуют за своим лидером даже в случае неудачи, но только тогда, когда будут убеждены в абсолютной правоте своего народа». Он также писал, что Гитлер «не должен взвешивать плюсы и минусы как какой-нибудь профессор, он не должен оставлять слушателям свободу допускать возможности других решений, помимо единственно верного»²⁷.

Покуда Гесс лишь озвучивал подобные взгляды, Гитлер уже давно в соответствии с ними действовал. Разумеется, он всячески демонстрировал те качества, которые Гесс приписывал «великому и популярному вождю». Основной чертой, которую он так успешно продемонстрировал Геббельсу в Бамберге, была его непоколебимая уверенность в своей правоте. Он был всецело убежден в том, что рано или поздно удача перейдет на сторону нацистов, и постоянно убеждал в этом своих сторонников, главное — «не терять веры».

Очевидно, не все сторонники Гитлера принимали такое положение дел. Братья Грегор и Отто Штрассеры были определенно против. Грегор утверждал, что Гитлера следует рассматривать как обычного, «нормального» политического лидера, и открыто критиковать его мнения. Такая позиция вела к конфликту. Но у большинства присоединившихся к нацистам в тот момент просто не было выбора, и они повели себя так же, как Геббельс после встречи с Гитлером в Бамберге. Партийные структура и системы были теперь четко сформулированы: Гитлер является безоговорочным вождем, который «никогда не даст слушателям свободы допустить возможность других решений, помимо единственно верного». В обмен на признание единоличной власти Гитлера сторонники нацизма получали — как сказал Эрнст Беккер — «надежную идеологию коллективного искупления»²⁸.

Гитлер — главным образом потому, что теперь не рассматривался как угроза, — расширил географию своих выступлений, видя, что запреты на его выступления в землях Германии снимаются, сначала в январе 1927 года — в Саксонии, затем, в марте того же года, — в Баварии и, наконец, в сентябре 1928 года — в Пруссии. Однако, невзирая на то, что он теперь мог выступать открыто и количество членов НСДАП в 1928 году выросло до 100 000, объективных шансов на резкий прорыв у этой партии пока не было. Доказательством тому были выборы 1928 года, на которых нацисты набрали лишь 2,6 процента голосов. Более 97 процентов немецкого электората все еще отвергали Гитлера и его политику.

На выборах 1928 года два из 12 мест в рейхстаге, которые получили нацисты, достались Геббельсу и Герингу. Геббельс понимал свои парламентские функции в этой демократической стране однозначно. «Мы пришли в парламент для того, чтобы снабдить себя оружием из арсенала демократии. Если демократия настолько глупа, что сама дает нам бесплатные [железнодорожные] билеты и оплачивает нашу работу — это ее дело... Нам наплевать на сотрудничество с этой вонючей кучей навоза. Мы пришли, чтобы вычистить этот навоз...

Мы пришли не как друзья, мы даже не занимаем нейтральную позицию. Мы пришли как враги. Как волки в стадо овец — вот наша позиция»²⁹.

Геббельс был не одинок в своей ненависти к демократии — такое отношение было широко распространено среди ультраправых сил. Полковник фон Эпп, например, также баллотировался в рейхстаг в 1928 году. Он командовал одним из самых известных фрайкоров и перед выборами заявил: «Я собираюсь стать парламентарием. У вас наверняка возникает вопрос, обладаю ли я необходимыми для этого качествами. У меня этих качеств нет. И никогда не будет. Потому что от них ничего не зависит»³⁰. После победы на выборах он отмечает в своем дневнике, что рейхстаг — это «то место, где слизняки пытаются управлять государством. Клерикальные слизняки, буржуазные слизняки, военные слизняки».

Однако в 1928 году в противостоянии нацистам эти самые «слизняки» убедительно побеждали. На самом деле у нацистов были большие перебои с деньгами и они с трудом смогли профинансировать съезд партии в Нюрнберге³¹. Однако недовольство в немецком обществе давало нацистам определенную надежду, ведь для успеха им был необходим именно кризис. Немецкие аграрии страдали от падения цен на продукты питания на мировом рынке. И поскольку относительное процветание Веймарской республики основывалось на использовании американских кредитов для выплаты репараций британцам и французам, экономика страны была слишком хрупкой, и уже демонстрировала первые признаки кризиса.

Огромные усилия по стабилизации положения страны прилагал Густав Штресеман, министр иностранных дел Германии. Он убедил правительство подписать в августе 1928 года пакт Бриана — Келлога (договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики), обязавший Германию мирно разрешать международные проблемы. Это позволило ему создать благоприятную атмосферу, чтобы затем, в феврале 1929 года, согласовать план Юнга, согласно которому были сокращены репарационные выплаты Германии.

В этот момент Штресеман был одним из немногих в высшем политическом эшелоне Германии, кто был серьезно озабочен появлением Гитлера и нацистов на политической арене страны. Теодор фон Эшенбург вспоминал: «Я проводил много времени со Штресеманом, который в то время был министром иностранных дел. Это был либерал, причем либерал правого крыла. Я отлично все помню. Это было сразу после Троицы в 1929 году. Вечером Штресеман начал говорить о Гитлере и заявил: «Это самый опасный человек в Германии. Он обладает зловещим красноречием. У него, как ни у кого другого, природное чутье массовой психологии. Когда я выйду в отставку, то поеду по Германии, чтобы избавиться от этого человека». При этом разговоре присутствовало пару человек из министерства иностранных дел. И никто из нас не понимал Штресемана. Мы пожимали плечами: «О ком речь? О лидере этой крохотной партийки? Да пусть себе парень покричит»³².

3 октября 1929 года, ровно за день до краха Уолл-стрит, ставшего началом Великой депрессии, Густав Штресеман от последствий инсульта умер. И теперь, перед лицом нового экономического кризиса, миллионы немцев впервые откликнутся на призыв Гитлера как харизматичного лидера. Отныне всякий раз, когда Гитлер будет «кричать», люди станут его слушать.

Глава 5

Надежда во времена кризиса

Между 1929 и 1933 годами миллионы немцев отвернулись от политических партий, которым традиционно отдавали предпочтение, и пошли за Адольфом Гитлером и нацистами — они приняли это решение, отдавая себе отчет, что Гитлер хочет уничтожить демократию в Германии и выступает в поддержку преступных актов насилия.

Два события 1932 года наглядно иллюстрируют, насколько необычно все, что творилось с цивилизованной нацией, живущей в самом сердце Европы. Во время предвыборного выступления¹ — одного из первых выступлений, снятых со звуком — Гитлер поднял на смех немецкую демократическую многопартийную систему и те тридцать партий, которые выступали против нацизма. Он заявил, что преследует «одну цель»: «выгнать эти тридцать партий вон из Германии». Он просто кичился нетерпимостью, которую проявляют нацисты, и подчеркивал, что «на кону [на этих выборах] стоит нечто большее, чем создание новой коалиции». Едва ли он мог более открыто заявить о своем намерении создать тоталитарное государство. Затем, в августе, Гитлер заявил о своей «безграничной преданности»² и поддержке по отношению к пяти нацистским штурмовикам, приговоренным к смертной казни за убийство сторонника коммунистов в деревушке Потемпа в Силезии. Гитлер не отрицал ни того, что убийство имело место, ни того, что эти пять нацистов его совершили — он просто сказал, что приговор в отношении них является «чудовищным». Таким образом, Гитлер, стремившийся стать канцлером Германии, публично связал свое имя с внесудебными расправами.

В свете всего вышеперечисленного, как же могли немцы в массе своей проголосовать за Гитлера и какую роль сыграла в несомненном успехе нацистов на выборах его пресловутая «харизма»?

Наиболее важной предпосылкой взлета популярности Гитлера был явный провал демократических сил в борьбе с экономическим кризисом. В марте 1930 года коалиция Социал-демократической партии и Либеральной народной партии, которые стояли у руля в Германии, развалилась в связи с неспособностью договориться о путях преодоления кризиса. Для многих людей, таких как сторонник нацистов Бруно Хенель, этот раскол свидетельствовал о необходимости радикальных перемен. Хенель и его друзья называли рейхстаг «кружком болтунов», поскольку считали, что все эти многочисленные партии — многие из которых представляли сугубо частные интересы — занимались преимущественно болтовней. «Мы хотели следовать за сильным человеком, и такой сильный человек у нас появился. Сегодня многие говорят о Веймарской республике. Но это был настоящий кошмар, во всяком случае — для нас... Начиная с 1929 года я был готов поспорить с каждым, даже с собственным отцом, о том, что национал-социалисты обязательно придут к власти»³.

Появилась убежденность в том, что страна под руководством «сильного человека» сможет наконец объединиться. Люди верили в то, что «сложную [экономическую] ситуацию» можно контролировать с помощью «солидарности» — она, например, привела в 1930 году в ряды нацистов 18-летнего студента Фрица Арльга. Под влиянием своего брата он сначала увлекался идеями марксизма, но вскоре почувствовал, что «социалистическая солидарность» вне национальных границ, предсказанная Марксом, невозможна, поскольку каждая страна преследует свои собственные национальные интересы.

«Иностранные социалисты бросили нас, — говорил Фриц Арльг. — Поэтому я решил, что другой политический выбор [т. е. нацизм] — лучше. Те, кто представлял эту идею, вызывали больше доверия. Это были бывшие солдаты. Это были рабочие. Это были люди, о кото-

рых говорят: “Они живут в соответствии со своими убеждениями”. Сейчас это может выглядеть пропагандой. Но это не пропаганда. Это то, что я тогда чувствовал... В нашей группе был каменщик. Был владелец фабрики. Был аристократ. И все мы были вместе. Мы были просто ячейкой и поддерживали друг друга. А еще мы говорили: “Надо делиться друг с другом”. Иными словами, мы были национальной общиной. Богатый делился с бедным. А ведь в те дни повсюду была бедность»⁴.

Фриц Арльт рисует «позитивный» образ нацизма — именно так о нем мог бы говорить сам Адольф Гитлер. Но Арльт также знал, что одним из основных принципов нацизма является расизм, что его «национальная община» будет формироваться путем устранения прочих граждан Германии — в первую очередь немецких евреев. «По-моему, “расист” — это неправильное слово», — говорит Арльт, который спустя десять лет в качестве члена СС, будет играть немаловажную роль в этнической чистке, которую немцы будут проводить в Польше. Он предпочитает говорить, что нацисты «верили в естественный порядок вещей», который не предполагает никакой «мультикультурности». «Ведь никакой теории смешения рас нет и никогда не было, — говорит он. — Такой теории никогда не существовало».

К январю 1930 года, всего через четыре месяца после краха Уолл-стрит, в Германии было более трех миллионов безработных и около четырех миллионов частично занятых. В атмосфере всеобщего кризиса многие немцы с готовностью внимали призывам Гитлера к «солидарности» и национальному единству. Этим и объясняется резкий скачок популярности нацистов на выборах в сентябре 1930 года. Количество отданных за них голосов с 2,5 процента выросло до 18,3 процента, и теперь нацисты стали второй по величине партией в рейхстаге, имеющей более ста мест. Важно отметить, что такой впечатляющий результат был достигнут без предоставления электорату подробной политической программы. Создавалось впечатление, что немецкое население голосовало за эмоциональную идею, а рупором этой идеи была харизматичная личность Адольфа Гитлера.

Именно такое впечатление возникло у Альберта Шпеера, когда он услышал выступление Гитлера перед студентами в одном из пивных залов. «Меня чуть не снесло волной энтузиазма, которая почти физически влекла оратора от фразы к фразе... В конце стало казаться, что Гитлер говорит не для того, чтобы убедить; он чувствовал, что говорит именно то, чего ждет от него аудитория, превратившаяся в единую человеческую массу»⁵.

Шпеер был настолько потрясен выступлением Гитлера, что после собрания отправился на долгую прогулку в сосновый бор поразмышлять над услышанным. «Здесь, как мне показалось, была надежда»⁶, — заключит он. В автобиографии Шпеер подчеркивает, что решил стать «последователем Гитлера», а не членом нацистской партии (хотя он и вступил в ее ряды в январе 1931 года) и что решение это было скорее эмоциональным, чем взвешенным и обдуманым. «Сегодня, оглядываясь назад, я вспоминаю, что на меня налетел какой-то вихрь, оторвал меня от корней и бросил в пучину каких-то потусторонних сил»⁷.

Следует учитывать, что Шпеер, как и многие другие люди, впечатленные речами Гитлера, был заведомо предрасположен к этому. Учитель Шпеера, профессор Генрих Тессенов, перед которым он преклонялся, задолго до этого говорил о том, как важно восстановить достоинство простых «крестьян», задушенное годами стремительной урбанизации. Он утверждал, что Германию должен повести за собой простой человек, и Шпеер слушал его как «предтечу Гитлера»⁸.

Конечно, Шпеер построил свою защиту во время Нюрнбергского процесса на том, что был якобы опьянен колдовством Гитлера, а не рассудочно холодно поддерживал расистские и антисемитские цели партии. Шпеер почти наверняка знал о Холокосте и был связан с более поздними зверствами нацистского режима, хотя и отрицал этот факт после войны. Но его ранние свидетельства кажутся достаточно искренними. И не только потому, что в 1931 году

он еще был архитектором, а не рейхсминистром вооружений и военной промышленности, которым стал впоследствии, а еще и потому, что многие немцы в то время считали так же. Для этих немцев — включая Шпеера — ключевой мыслью призывов Гитлера в начале тридцатых годов было чувство единства, всеобщего родства. Гитлер очень точно озвучивал их потребности, и они отвечали ему благодарностью.

В период с 1930 по 1932 год экономический кризис усилился — к началу 1932 года более шести миллионов немцев были безработными. «Было больно смотреть, как много людей оказалось на улице, — говорит Герберт Рихтер, — в поисках хоть какой-нибудь работы. Подъезжаешь на поезде к станции — и у тебя тут же выхватывают из рук чемодан, чтобы поднести и заработать хоть пару монет»⁹.

«Шесть миллионов безработных — что это значит? — говорит Йоханнес Цанн, который в то время был молодым экономистом. — Шесть миллионов безработных, с учетом того, что в семье обычно три человека, на практике означает вот что: шесть умножить на три — восемнадцать миллионов человек без пищи! И если в то время мужчина оставался без работы, у него было два пути: или идти в коммунисты, или становиться членом СА [то есть нацистским штурмовиком]»¹⁰. К началу 1932 года более четверти миллиона мужчин состояли в СА — в три раза больше, чем за год до того. Они носили коричневые рубашки и нацистские нашивки и при этом не только маршировали по улицам немецких городов и деревень, но и сражались с коммунистическими группировками. Экономический упадок привел к разгулу преступности на улицах. Казалось, раскол Германии усиливается: росла поддержка не только нацистов, но и коммунистов.

Алоиз Пфаллер — один из многих молодых коммунистов, который принимал участие в борьбе с нацистами. В 1930-е годы он был начинающим художником и декоратором. Пфаллер присоединился к Немецкой коммунистической партии в Баварии, поскольку презирал антисемитизм нацистов, а также считал, что они не принесут благосостояния в каждый немецкий дом. «Когда они проходили бравым маршем, невозможно было увидеть в них борцов за интересы трудящихся, простых рабочих людей — за рабочие места и т. д., — они говорили только о своем фюрере и о великом рейхе, который хотели построить»¹¹.

Пфаллер понял, что штурмовики готовятся к борьбе с коммунистами, когда однажды нанял помещение в мюнхенской пивной «Бюргербройкеллер» для того, чтобы провести собрание. Он пришел пораньше и заметил, что два стола уже заняты бравыми ребятами СА. «Каждый штурмовик держал перед собой *stein* [огромный пивной бокал], это практически снаряды, и я представил себе, что сейчас начнется. Они хотели сорвать наше собрание любой ценой. Я был потрясен, черт побери! А потом послал своих ребят на велосипедах за помощью — за подкреплением».

Когда все товарищи прибыли, Пфаллер попытался начать собрание, но как только первый выступающий вышел на трибуну, началась драка. Нацистские штурмовики дрались с коммунистами: стулья, бутылки и бокалы — все пошло в ход. Алоиз Пфаллер был ранен, и ему пришлось уйти. «Я отправился в уборную и увидел, что ранен в голову — у меня текла кровь; [для того], чтобы не попасться полиции, я выбрался через окно туалета и на четвереньках вдоль желоба переполз на крышу сарая, а затем спрыгнул вниз. Так и ушел. Лицо было окровавлено, мне надо было выйти на улицу и сесть в трамвай, но там было много штурмовиков, и я решил, что это слишком рискованно, и пошел домой пешком. Да, это была жестокая драка. Несколько человек было госпитализировано — и наших, и штурмовиков, в основном с лицевыми ранениями, вообще было много раненых».

Невзирая на общественное недовольство, — которое нацисты сами и создавали — Гитлер пытался позиционировать себя как своего рода политического мессии, который выведет Германию из хаоса. В этом контексте он начинает выделять тему национального обновле-

ния. Он говорит об отмене демократической системы, которая — по его утверждению — губит Германию, а также о «восстановлении справедливости», нарушенной несправедливым Версальским договором. Его одержимость антисемитизмом — выплеснутая на страницах «Майн кампф» — не выдвигается на первый план. Таким образом, не отказываясь от слов о том, что «еврейская проблема» в Германии должна быть решена, он доходит до того, что 15 октября 1930 года заявляет: «Мы ничего не имеем против порядочных евреев; но если они затеют сговор с большевиками — мы будем смотреть на них как на врагов»¹².

В июле 1931 года лопнул огромный немецкий банк *Danat-Bank*¹³. В результате, кроме миллионов безработных, под ударом оказались многие слои среднего класса страны. Семья Ютты Рюдигер стала одной из пострадавших, ее отцу урезали зарплату. Естественно, она была заведомо предрасположена воспринять призывы Адольфа Гитлера, и когда она услышала его предвыборное выступление в 1932 году, то решила, что Гитлер — ее спаситель. «Сначала стояла мертвая тишина. Затем он начал говорить, спокойно, необычайно спокойно. Он говорил медленно, своим звонким голосом, и потихоньку входил в раж. Он говорил о том, как помочь народу Германии, как вывести его из бедности. А когда его выступление закончилось, у меня сложилось впечатление, что этот человек думает не о себе и своей выгоде, он заботится лишь о благе немецкого народа»¹⁴.

Все чаще Гитлер прославлял идеализм, объединявший немецких солдат, сражавшихся в Первую мировую войну¹⁵, говорил о возрождении фронтового «товарищества» и призывал всех «истинных» немцев работать сообща. Ютта Рюдигер вспоминает: «Мне сказали, что этот фронтовик говорил: “Когда станет по-настоящему трудно — не помогут ни деньги, ни аристократическое происхождение. Спасение одно — единство, товарищество, желание помогать и стоять друг за друга. И если мы в Германии окажемся в беде, мы должны объединиться, впрячься и, как говорится, вместе тянуть лямку”»¹⁶.

Для достижения своих целей Гитлер увязывал воедино свою «героическую» службу во время войны, благородную «миссию», которую он взял на себя в ответ на «предательство» по отношению к честным солдатам и теперешнюю нищету Германии. Эту нищету он считал следствием еврейской демократической «говорильни», из-за которой Германия и находится в плену у стран, наживающихся на ее поражении. Поэтому статья, вышедшая 29 ноября 1932 года в гамбургской газете «*Echo der Woche*» и утверждавшая, что Гитлер сильно приукрасил свои боевые заслуги¹⁷, серьезно ударила по его репутации. Эту статью написал офицер, служивший с Гитлером в одном полку, но опубликована она была анонимно. В статье утверждалось, что Гитлер никогда не служил на передовой, находился далеко от окопов и был связным, а Железный крест получил за то, что был знаком с офицерами, которые выдвигали кандидатов на награды. Гитлер осознавал, насколько опасными могут быть нападки на его «героизм». Он инстинктивно понимал то, что профессор Натаниель Шалер сформулировал еще в 1902 году: «доблестная самоотверженность во имя убеждений» — это «высшая доблесть для истинно цивилизованного человека»¹⁸. Харизматический магнетизм Гитлера зиждился на его личной «доблести», и он не мог позволить себе рисковать им.

Поэтому Гитлер немедленно подал в суд на «*Echo der Woche*» за клевету. Только один офицер — причем не тот, кто написал эту статью, — пришел давать показания в поддержку газеты. Нацисты же привели целую толпу свидетелей, готовых отстаивать честь Гитлера. И поскольку статья была анонимной и действительно содержала одну существенную ошибку — в ней говорилось, что Гитлер дезертировал из австрийской армии — газета проиграла суд. Гитлер же повернул эту потенциальную угрозу своему имиджу себе на пользу. Он «доказал» в суде, что был «героем» Первой мировой войны.

Однако Гитлер столкнулся с обвинениями не только в связи со своими военными воспоминаниями. За год до этого, в 1931 году, поползли слухи о его личной жизни. Немцы все

еще не определились, голосовать ли им за нацистов или нет, и их решение напрямую зависело от харизматичности Адольфа Гитлера. Поэтому существенной составляющей успеха нацистов на выборах была личная жизнь Гитлера, которая должна была быть безупречной, как и его военное прошлое, подтвержденное решением суда по делу «*Echo der Woche*».

Тем не менее решить вопросы, связанные с сексуальной жизнью Гитлера, было намного сложнее, чем разобраться с его военными подвигами. 19 сентября 1931 года племянница Гитлера, Гели Раубаль, была найдена мертвой в его квартире на первом этаже на Принц-регентплац, 16, в Мюнхене. Она застрелилась из пистолета Гитлера. Многие газеты, включая «*Münchener Post*», которые годами активно критиковали Гитлера и нацистов, начали задавать весьма неудобные вопросы по поводу возможной роли Гитлера в случившемся. Такие вопросы могли серьезно повредить тщательно выстроенной репутации Гитлера, которая рисовала его как «одиночку», харизматичного героя, пожертвовавшего личной жизнью на благо Германии.

Гитлер был страстно влюблен в Гели, дочь своей сводной сестры Ангелы. Девушка вела его хозяйство. Однако Гели отвергала навязчивые ухаживания своего дяди и завязала нежную дружбу — а может, и интимные отношения — с личным шофером Гитлера, Эмилем Морисом. Гитлер был взбешен, когда узнал об этом, и Морис опасался, что Гитлер может убить его¹⁹.

Однако ключевой вопрос, который если и не задавали прямо, то подразумевали, заключался в том, какой характер носили отношения Гитлера и Гели. Различные второстепенные источники, преимущественно люди, выступавшие против Гитлера, утверждали, что он склонил Гели к сексуальным отношениям — настолько извращенным, что это довело девушку до самоубийства.

И хотя не было прямых доказательств сексуально-извращенной связи Гитлера с собственной племянницей — ведь если бы они были, то разрушили бы его растущую популярность в 1930-е годы, — было очевидно, что ее смерть стала серьезным ударом для Гитлера. В своих мемуарах Лени Рифеншталь описывает встречу с Гитлером в его мюнхенской квартире на Рождество 1935 года. Во время этой встречи он открыл одну запертую комнату и показал ей скульптуру — бюст Гели, «украшенный цветами»²⁰. Гитлер тогда сказал ей, что «очень любил» Гели и что она была «той единственной женщиной», на которой он мог бы жениться. Сразу же после смерти Гели в 1931 году Гитлер был в таком тяжелом эмоциональном состоянии, что попросил Грегора Штрассера помочь ему пережить кризис — по иронии судьбы брат Штрассера впоследствии обвинит Гитлера в сексуальных отклонениях.

Одержимость Гитлера своей племянницей Гели не говорит о том, что у него вдруг возникла потребность человеческого общения с равными себе. Он не искал дружбы или душевного родства с Гели. Наоборот, он стремился к полному доминированию над ней. Эпизод с Гели вовсе не указывает на нежную сторону личности Гитлера, он скорее характеризует его как человека, неспособного создать нормальные личные отношения.

Гитлер сумел защитить свою репутацию, невзирая на самоубийство племянницы в его собственной квартире, а заодно и разобраться с газетой «*Echo der Woche*». Слухи о сексуальных отношениях между Гитлером и Гели остались недоказуемой болтовней. И Гитлер сумел овладеть собой после смерти Гели, хотя и — как обнаружила Рифеншталь — превратил ее комнату в место поклонения. Он решил продолжать изредка встречаться с молодой легкомысленной блондинкой по имени Ева Браун, с которой познакомился в фотоателье Генриха Гофмана, но на многие годы отдал большую часть своего времени делам политическим.

Политический вопрос, требующий немедленного решения, заключался в том, стоит ли Гитлеру вступать в борьбу с Паулем фон Гинденбургом за президентское кресло в 1932 году. Серьезных шансов на победу у Гитлера не было — Гинденбург как глава государства предлагал своему народу значительно больше объединяющих нацию альтернатив. Однако гром-

кая и интенсивная избирательная кампания могла бы укрепить общественное положение Гитлера, хотя с другой стороны — низкие показатели на выборах были бы унижительны. Это был сложный выбор, и в течение нескольких недель Гитлер не мог определиться.

Нерешительность — далеко не та черта, которая ассоциируется с харизматичным лидером; но у Гитлера она безусловно присутствовала. Геббельс, например, возмущался тем, что Гитлер в 1930 году никак не мог определиться — исключать Отто Штрассера из нацистской партии или нет. «Это так типично для Гитлера, — пишет он в своем дневнике 25 июня 1930 года, — сегодня он снова отступил... он раздает обещания и не выполняет их»²¹.

Но, как мы уже поняли, эту некоторую нерешительность Гитлера не стоит путать с недостатком решимости в глобальных вопросах. В разрешении больших задач и определении конечных целей Гитлеру все было предельно ясно. Но тактика его не всегда была однозначной. Он мог откладывать принятие решения, выжидать, наблюдать за тем, как развиваются события. По его мнению, это увеличивало шанс принять правильное решение. Именно таким был случай с Отто Штрассером и его изгнанием из партии летом 1930 года. Затягивая с принятием решения, Гитлер узнал, что думают по этому поводу другие высокопоставленные однопартийцы, и одновременно позволил Штрассеру окончательно восстановить всех против себя.

Точно также обстояли дела с решением об участии в президентских выборах. Это был вопрос сугубо тактический, и Гитлер, в конце концов, решил, что выиграет больше, если выступит против Гинденбурга, чем если откажется от борьбы. Эта борьба, в частности, пришлась по вкусу Йозефу Геббельсу. Ему было поручено запустить машину нацистской пропаганды еще в 1930 году. И теперь, два года спустя, он должен был продемонстрировать соратникам, каким опытным политическим агитатором он стал. Примечательной особенностью президентской компании Гитлера было то, что он перемещался с митинга на митинг на самолете. Образ фюрера, спускающегося с небес подобно божеству, был позднее использован Лени Рифеншталь в начале ее собственного пропагандистского фильма «Triumph des Willens» («Триумф воли»), выпущенного в 1934 году, и был изначально использован в ходе избирательной компании. Однако в 1932 году Геббельс потрудился значительно серьезнее, и его деятельность не ограничилась использованием самолетов. Координация статей в прессе по всей Германии; жесткий график митингов; и, наконец — революционный плакат, изображающий Гитлера на черном фоне — многие методы пропаганды впервые были использованы именно нацистами. Практически все эти нововведения призваны были создавать ореол интригующей таинственности вокруг фигуры Гитлера.

Графу Иоганну-Адольфу фон Кильмансеггу, офицеру чуть старше двадцати лет, посчастливилось услышать выступление Гитлера во время избирательной кампании. «В то время Гитлер был первым, и единственным, политиком, который пользовался всеми современными видами транспорта. Других деятелей мы могли увидеть только в кинохронике, или прочитать про них в газете. Гитлер же был повсюду, он перелетал на самолете с места на место, со встречи на встречу».

«Так было и во время встречи в Касселе. В то время я служил в Кассельском гарнизоне, и из чистого, так сказать, любопытства, отправился с товарищем на эту встречу. Я хотел посмотреть на него и послушать его. Там натянули большой навес, под ним находилось порядка 7000 человек... и первое, что меня поразило, — Гитлера среди них не было. Это было частью его тактики, его метода — тогда мы этого не понимали, но знаем теперь. Он намеренно заставлял людей ждать. Думаю, мы ждали часа два-три. Обычно, когда человек вынужден так долго ждать, он начинает нервничать. Ожидание же этого человека, наоборот, успокаивало людей. Я был этим очень впечатлен»²². Когда Гитлер прибыл и начал говорить, Кильмансегг, находившийся позади толпы, не услышал ничего особенного. Это было то же самое, «о чем пишут в газетах». Его значительно больше впечатлило поведение огромной

толпы людей, которые так спокойно ожидали прибытия Гитлера. Было ясно, что они «ждут своего спасителя».

Посулы Гитлера офицерам немецкой армии были гораздо более конкретны, чем общие фразы о национальном избавлении, предназначенные для широких масс. Гитлер обещал военным смыть «позор» поражения и поднять их престиж, пострадавший в результате Первой мировой войны. «Я родился в 1912 году, — вспоминает Ульрих де Мезьер, который в то время был молодым офицером. — Поэтому мое сознание формировалось в двадцатые годы, а тогда нас терзали экономические проблемы Веймарской республики и тяжкий груз Версальского договора, который весь немецкий народ считал позором. Мы потеряли территории, мы были вынуждены выплачивать репарации, и самое главное — мы расплачивались за то, в чем немецкий народ не чувствовал своей вины, — за войну 1914 года... А тут приходит человек и призывает нас к национальной революции»²³.

Приблизительно в это же время Теодор Эшенбург также впервые посетил встречу Гитлера с избирателями. Как мы помним, Эшенбург в 1929 году считал Гитлера политической угрозой. Но теперь у него складывается другое впечатление: «Я впервые испытал подобное — как человек может доминировать над огромной массой людей таким удивительным образом, как он сделал это в зале *Sportpalast* [в Берлине]. Это невероятно впечатлило меня и напугало одновременно. Я сидел, а слева, справа и позади меня национал-социалисты визжали от восторга. Это началось, когда он [Гитлер] спустился сверху, как бог. Вполне мессианский образ. Это было очень эффектно и страшно одновременно»²⁴.

Эшенбург полагал, что аудитория столь бурно отвечает Гитлеру по двум причинам: «С одной стороны, было отчаяние [в связи с экономическим кризисом], а с другой — гениальность Гитлера в психологическом давлении на массы». Разумеется, Эшенбург — изощренный политический критик — понимал, что «Гитлер ничего не обещал. Он все время повторял: “только для немецкого народа” или “мы должны освободиться от марксизма”. Но он не давал никаких конкретных обещаний. Все это было весьма прозрачно... Но я был восхищен его техникой».

Решение Гитлера принять участие в президентской борьбе с Гинденбургом оправдалось. Как и ожидалось, он не победил, сумев, однако, набрать тридцать процентов голосов в первом туре выборов, состоявшемся 13 марта 1932 года. Через месяц, во втором туре, он набрал около тридцати семи процентов в прямой борьбе с Гинденбургом. Теперь Гитлер становится центральной фигурой политического круга Германии — вторым после президента Гинденбурга, наиважнейшим участником политической жизни государства. Однако проблема, с которой он столкнулся, казалась непреодолимой. Гинденбург не считал, что Гитлер подходит на должность канцлера Германии. И не важно, что через три месяца после президентских выборов Гитлер привел нацистов к невероятной победе на всеобщих выборах в июле 1932 года — нацисты стали самой большой партией в рейхстаге и заняли 230 кресел. Гинденбург не собирался доверять Гитлеру формирование правительства.

Гинденбург не мог отвергнуть Гитлера, ведь, будучи президентом рейха, он был гарантом демократии в Германии. Но на протяжении последних двух лет в рейхстаге творилась полная неразбериха, а Германия управлялась президентом в соответствии со статьей 48 Веймарской конституции. И многие люди в окружении Гинденбурга, такие как руководитель канцелярии рейхспрезидента Отто Мейсснер или аристократ Фриц фон Папен, сменивший на посту канцлера Генриха Брюнинга в мае 1932 года, не были слишком убежденными сторонниками демократии. Они хотели авторитарного решения основных проблем Германии — экономического кризиса и роста популярности коммунистической партии. Нет, они вовсе не возражали бы против уничтожения демократии — просто Гитлер был не тем человеком, которого они хотели видеть на посту канцлера Германии.

Руководитель канцелярии Отто Мейсснер сообщил, что Гинденбург сказал Гитлеру 13 августа: «Я не смогу оправдаться перед Богом, перед своей совестью и перед отечеством, если передам всю власть в правительстве одной партии — особенно той, которая преследует людей различных с ними взглядов»²⁵.

Шансы Гитлера на успех были почти нулевыми. Как именно он сумел обойти убийственную оценку Гинденбурга и стать канцлером Германии спустя всего лишь пять месяцев — одна из самых интригующих политических историй последнего столетия.

Глава 6

Обретение уверенности

История о том, как Гитлеру удалось преодолеть первоначальное недоверие президента Гинденбурга и стать канцлером Германии не является доказательством — как считали многие нацисты, — что судьба вождя «предначертана» ему свыше. Скорее она иллюстрирует два типа восприятия его харизмы. Первый тип — восприятие Гитлера преданными последователями, а второй парадоксальным образом напоминает о том, что у многих все же был иммунитет к магнетизму этого человека.

Первой причиной успеха Гитлера была его бескомпромиссность. Он не соглашался ни на что, кроме должности канцлера, даже тогда, когда успех казался совершенно недостижимым. Его уверенность в том, что все станет на свои места, вдохновляла его сторонников. После провальной встречи с президентом Гинденбургом 13 августа 1932 года Гитлер обсудил последствия с соратниками-нацистами. «Гитлер сдерживает свои эмоции, — вспоминает Геббельс в своем дневнике. — Он выше всех этих махинаций. Таким я люблю его»¹.

Возможно, Гитлер спокойно воспринял удар, полученный от Гинденбурга, но большинство его сподвижников были отнюдь не спокойны. В чем смысл, спрашивали они, отказываться от насильственной революции и участвовать в официальных выборах, если Гинденбург по-прежнему позволяет себе срывать планы самой значительной партии в рейхстаге? В частности, Грегор Штрассер, один из наиболее влиятельных членов партии, хотел найти какой-нибудь аккуратный способ обойти президента.

Но Гитлер не собирался идти на компромисс в своем важнейшем требовании — он, и только он, должен быть назначен канцлером Германии. Действующий канцлер Франц фон Папен во время выступления в Мюнхене в октябре 1932 года заявил, что Гитлер не является «нормальным» политиком, а нацистское движение — не «нормальная» политическая партия. Он называл партию нацистов «политической религией»², последователи которой «мистически верят в своего мессию» Гитлера.

Хотя фон Папен признавал, что миллионы немцев восприняли Гитлера как своего «мистического мессию», сам он оставался равнодушен к его харизме. Впервые встретившись с Гитлером летом 1932 года, он нашел его «на редкость невыразительным»³. Фон Папен был премного наслышан о магнетической притягательности глаз Гитлера, однако они не произвели на него ни малейшего впечатления. Папен писал, что «не обнаружил в этом человеке даже намека на качества, которые бы объяснили столь сильное влияние его на массы».

Папен, аристократ по крови и по складу характера, ощущал свое превосходство над обтрепанным демагогом сомнительного происхождения, который стоял перед ним в июне 1932 года. Записки Папена по этому поводу — сделанные уже после войны — по-прежнему пронизаны чувством снисходительности и даже самодовольства, хотя именно эти качества его личности и помогли Гитлеру прийти к власти. Он пишет, как директор школы, выставяющий оценки всем, с кем его сталкивает жизнь. Вот, например, его вердикт по поводу Муссолини: «Я считаю, что итальянский диктатор — человек совсем другого калибра, чем Гитлер. Невысокого роста, но весьма авторитетен, а его массивная голова создает впечатление большой силы характера». В отличие от Гитлера, Муссолини был для Папена человеком «огромного обаяния», в то время как в Гитлере «чувствовалась легкая неуверенность». По мнению Папена, Муссолини «мог бы оказать на Гитлера неплохое влияние»⁴.

Эта глобальная недооценка как личных, так и лидерских качеств Адольфа Гитлера и стала второй причиной, по которой Гитлер смог стать канцлером. Фон Папен, как и многие представители немецкой элиты, сильно преувеличивал свою возможность контролировать

Гитлера. Бывший армейский офицер и дипломат, он был уверен, что знает, как манипулировать Гитлером и нацистами в интересах высших слоев немецкого общества, которые, в свою очередь, стремились свергнуть демократию и установить новый авторитарный режим, который был бы поддержан народом. Согласно логике фон Папена, у Гитлера и нацистов имела народная поддержка, а сам Папен и его друзья обладали достаточным интеллектом для того, чтобы управлять ими. Он считал, что наилучший способ использовать Гитлера — это ввести его в состав правительства на второстепенную должность — вице-канцлера, к примеру. И раз уж Гитлер позиционирует себя как «мистического мессию», он, по расчетам фон Папена, быстро себя скомпрометирует. К несчастью для него, нацисты оказались вовсе не так глупы.

Герман Геринг, выступая в суде после войны, рассказывал: «Ходили слухи, что, когда президенту предложили кандидатуру фон Папена на должность рейхсканцлера, Гитлера выдвинули на роль вице-канцлера. Помню, я сказал тогда господину фон Папену, что Гитлер может быть кем угодно, но только не заместителем. Если уж он и берется за что-то, то должен, безусловно, занимать самую высокую должность, и было бы совершенно невозможно и немисливо предлагать нашему фюреру второе место»⁵.

К осени 1932 года создалась довольно двусмысленная ситуация: множество простых немцев считали Гитлера харизматичным вождем, а немецкая политическая элита чуть ли не презирала его. Примечательно также то, что фон Папен и его друзья умаляли сильные качества Гитлера, поскольку он не был представителем их класса. Он не был офицером, не имел университетского образования и казался фон Папену «типичным мелким буржуа» со своими «маленькими усиками и забавной прической»⁶. Так же пренебрежительно относился к Гитлеру и президент Гинденбург, называвший его «богемским¹ ефрейтором»⁷.

Беда фон Папена заключалась в том, что он и его кабинет не имели поддержки со стороны избирателей, достаточной для того, чтобы остаться у власти. Отсутствие популярности его правительства было наглядно продемонстрировано в ходе драматических событий 12 сентября 1932 года, когда Геринг, будучи к этому моменту председателем рейхстага (что приблизительно соответствует должности спикера палаты общин), сумел организовать успешный вотум недоверия режиму фон Папена. Устроив невероятный по своей циничности политический сговор, нацисты и коммунисты — заклятые враги! — объединились и проголосовали вместе, чтобы унизить фон Папена.

Новые выборы были назначены на ноябрь, и Гитлер снова принялся разъезжать по всей Германии и собирать голоса в поддержку нацистской партии. Но вскоре стало очевидно, что высшая точка поддержки нацистов достигнута. Сторонники партии были по-прежнему полны энтузиазма: более 100 000 молодых приверженцев нацизма приняли участие в митинге в Потсдаме. Однако в других местах митинги проходили на пустых площадях. Отчасти проблема нацистской партии заключалась в том, что, отказавшись присоединиться к правительству фон Папена, Гитлер повел себя в условиях национального кризиса чересчур бескомпромиссно. И хотя его непримиримая позиция производила выгодное впечатление на сторонников нацизма, люди колеблющиеся воспринимали ее негативно.

Благодаря нападкам Гитлера на режим фон Папена нацисты не воспринимались как защитники среднего класса, а без его содействия их позиция становилась довольно хрупкой. Например, поддержка нацистами забастовки транспортников в Берлине незадолго до ноябрьских выборов была явной тактической ошибкой.

¹ Гитлер родился в австрийском городке Браунау-на-Инне. Этот городок часто путают с городком Браунау (ныне Бромумов) в Богемии (Чехия). Президент Гинденбург именно из-за такой путаницы всю жизнь называл Гитлера «богемским ефрейтором».

Выборы 6 ноября 1932 года обернулись неудачей для Гитлера и нацистов. В то время как коммунистическая партия Германии получила почти на три процента больше голосов, нацисты получили на два миллиона голосов меньше, чем на выборах в начале года, и их общая доля снизилась на 4 процента — до 33 процентов. Однако незначительное падение популярности нацистов не устраняло основную проблему правительства фон Папена: отсутствие народной поддержки. Фон Папен начинает обдумывать простое, но радикальное решение: он планирует заменить Веймарскую конституцию какой-нибудь диктатурой. Такой шаг был довольно рискованным: высшие чины немецкой армии всерьез опасались гражданской войны между нацистами и коммунистами, которая могла вспыхнуть в случае исключения из правительства этих популярных в народе партий.

Кабинет фон Папена подал в отставку 17 ноября 1932 года. На протяжении нескольких недель после этого в политических кругах происходила подковерная борьба, и в этот самый момент на политическую арену вышел Курт фон Шлейхер. Шлейхер, генерал со склонностью к политическим интригам, был назначен министром обороны шестью месяцами ранее. Шлейхер отлично помнил революционные беспорядки, прокатившиеся по всей Германии после Первой мировой войны, и слишком хорошо сознавал, как опасно использовать немецких солдат в борьбе против уличных демонстрантов. В сложившейся ситуации он решил убедить представителей правых и левых сил объединиться в составе правительства под его руководством. В надежде на то, что подобный компромисс возможен, Гинденбург принял отставку фон Папена и назначил канцлером Шлейхера.

Шлейхер знал, что Гитлер не согласится занять должность в его правительстве. Поэтому 3 декабря 1932 года он встретился с Грегором Штрассером. Он предложил Штрассеру должность вице-канцлера в своем кабинете и ключевой пост министра-президента Пруссии. Ровно на следующий день, 4 декабря, нацисты обнаружили резкое падение своей популярности: на местных выборах в Тюрингии, в центральной части Германии, количество отданных за них голосов уменьшилось на 40 процентов. У Гитлера появился серьезный повод для паники. Но он остался тверд, и в ходе встреч со Штрассером, состоявшихся в берлинском отеле «Кайзерхоф» 5 и 7 декабря, категорически запретил ему принимать предложение Шлейхера.

Для Гитлера настал критический момент. Если Штрассер войдет в кабинет Шлейхера, это нанесет серьезный удар по престижу Гитлера как лидера нацистской партии. Однако Штрассер, услышав, как возмущен Гитлер предложением Шлейхера, решил выйти из партии нацистов и одновременно уйти из политики. Он не станет служить ни Гитлеру, ни Шлейхеру. Утром 8 декабря, на следующий день после встречи с Гитлером, Штрассер выступил с речью перед группой нацистских лидеров в рейхстаге. Один из таких лидеров, Генрих Лозе, вспоминал его выступление после войны.

Штрассер подчеркнул, что с тех пор как фон Папен летом сформировал правительство, Гитлер одержим «одной мыслью — стать рейхсканцлером»⁸. Однако, по мнению Штрассера, Гитлеру «должно быть известно, что все последовательно отказали ему в этой должности и что в обозримом будущем шансов для достижения этой цели нет». Штрассер заявил, что он отказывается «ждать часа, когда фюрер станет рейхсканцлером, ибо к тому времени произойдет коллапс нацистского движения». По мнению Штрассера, Гитлер совершил ошибку, отказавшись от предлагаемого фон Папеном поста вице-канцлера. В своей речи Штрассер не упомянул, что ему самому только что была предложена эта должность, однако он ясно давал понять, что решил действовать, поскольку Гитлер ведет себя нерационально.

Затем Штрассер изложил другую жалобу, которая особенно интересна для исследования харизматического лидерства Гитлера. Штрассер сообщил, что он удручен «личным аспектом проблемы». Он утверждал, что в окружении фюрера имеются люди, которые «оскорбляют» его. Более того, он жаловался на то, что Геринг, Геббельс, Рем и другие полу-

чают от Гитлера приглашения на личные встречи, а он — нет. Он заявил, что считает это «неуважением, личным оскорблением, которое я не заслужил и не намерен его больше терпеть. Кроме того, мои силы и нервы — на исходе. Я вышел из партии и отправляюсь в горы для того, чтобы восстановиться».

Это эксцентрическое заявление, сделанное в разгар чрезвычайного положения в стране, больше напоминало взрыв эмоций отставленного любовника, чем набор взвешенных аргументов по поводу политической стратегии. А ведь Грегор Штрассер не был слабаком. Он был награжден Железным крестом за храбрость, принимал участие в Пивном путче и проложил себе путь в высшие эшелоны нацистской партии. Ранее он отмечал, что политика — это «дело грубое... особенно в таком сугубо вождистском движении, как наше»⁹.

И тем не менее Штрассер не только уходил из нацистской партии, он отказался от шанса занять одну из ключевых должностей в Германии, отчасти из-за того, что Гитлер не привлекал его к работе и уделял ему мало внимания. Следует учесть, что эти слова принадлежат человеку, который был единственным из нацистской верхушки (за исключением, пожалуй, Эрнста Рема), кто, казалось, успешнее остальных сопротивлялся личной харизме Адольфа Гитлера. Штрассер, к примеру, был единственным высокопоставленным нацистом, который называл Гитлера «шефом» или «ПГ» (*Parteigenosse* — то есть «товарищем по партии»), чаще чем «фюрером»¹⁰.

Как сказал один из историков, изучавший жизнь Грегора Штрассера: «Ирония судьбы заключается в том, что, покуда Штрассер последовательно и открыто развенчивал мистический культ фюрера, всем стало очевидно, что это блеф, за которым скрывается подлинное восхищение харизмой Гитлера. Таким образом, он, сам того не подозревая, пал жертвой мифа о фюрере»¹¹.

Как только Гитлер узнал о выступлении Штрассера перед нацистскими функционерами, он немедленно созвал собственный митинг в отеле «Кайзерхоф». Он обращался к тем, кто всего несколько часов назад слушал выступление Штрассера. Спокойно и рационально отвечая на обвинения Штрассера, Гитлер подчеркнул, что если бы он согласился стать вице-канцлером, то уже «на первой неделе» у него возникли бы «серьезные разногласия»¹² с фон Папеном. После чего он был бы вынужден подать в отставку, и его позиция оказалась бы серьезно ослаблена.

Он также сказал, что возможности нового путча просто не существовало, ссылаясь на слова полковника немецкой армии фон Рейхенау, симпатизировавшего нацистам, который предупредил его: у армии не будет выхода, и она будет вынуждена открыть огонь по штурмовикам, если нацисты попытаются начать вооруженное восстание. Рейхенау «призвал» Гитлера «держаться в рамках закона», поскольку «в один прекрасный день власти неизбежно падут перед ним на колени». Что же касается обвинений Штрассера в том, что Гитлер приглашал его не так часто, как тому хотелось, Гитлер заявил, что всегда был доступен для «тех, кто хотел со мной поговорить».

Гитлер излучал уверенность в том, что все будет в порядке, и говорил, что намерен ждать приглашения на должность канцлера. Он пообещал, «что этот день настанет — возможно, даже раньше, чем мы думаем». Успех зависит от «нашего единства и непоколебимой веры в победу; он зависит от нашего руководства». Гитлер закончил свое выступление — как он часто делал в момент потенциальной угрозы — личным призывом к преданности.

Гитлер сумел избежать кризиса в высшем эшелоне нацистской партии. Важно отметить, что он добился желаемого результата, выступив с речью, которая ни в малейшей степени не объясняла, каким образом он собирается достичь заветной цели — должности канцлера. Достаточно иметь «непоколебимую веру». Достаточно испытывать эмоциональное воодушевление. Тем не менее Гитлер понимал, что без участия Штрассера в составе прави-

тельства позиция генерала Шлейхера в роли канцлера становится еще менее прочной, чем была позиция фон Папена. Шлейхер сумел вытеснить фон Папена, пообещав, что сможет создать правительство широкой коалиции, — и не смог этого сделать. Более того, он приобрел личного врага в лице фон Папена. (По-немецки *Schleicher* означает «проныра», и многие тогда говорили, что это имя очень подходит генералу.) Теперь в переговоры с Гитлером по поводу формирования нового правительства вступает фон Папен, и 4 января 1933 года встречается с ним в Кельне в доме Курта фон Шредера для предварительных переговоров. Будучи верен себе, Гитлер настаивает на том, что цена за его активное участие в формировании нового правительства остается прежней — должность канцлера. При этом обещает быть гибким при формировании Кабинета министров и даже готов к тому, что большинство в нем будут составлять не нацисты.

Гитлер, четко понимая важность момента, приказал нацистам приложить огромные — и, казалось бы, непропорциональные масштабу события — усилия в ходе местных выборов, состоявшихся 15 января в крошечном районе Липпе-Детмольд. Тактика сработала. После оглашения результатов стало известно, что количество голосов, отданных за нацистов, выросло на 20 процентов — с 33 000 до 39 000. Это было прямое предупреждение всей немецкой политической элите: партия нацистов не собирается отступать.

Фон Папен решил согласиться на то, чтобы Гитлер стал канцлером при условии, что сам он станет вице-канцлером. Проблемой оставался Гинденбург, которого надо было убедить в целесообразности подобного решения на фоне немецкого политического кризиса.

Гитлер по-прежнему не производил особого впечатления на Гинденбурга. Тем не менее тот тоже начал склоняться к кандидатуре Гитлера на пост канцлера. Был целый ряд причин — прагматических, без какой бы то ни было веры в «харизматичность» — чтобы президент изменил свое мнение. Первой причиной было присутствие фон Папена. Гинденбург глубоко привязался к нему в ходе совместной работы летом и осенью 1932 года. Привязался до такой степени, что, когда фон Папен уходил с должности канцлера, Гинденбург подарил ему собственный портрет с надписью: «*Ich hatt einen Kameraden*»¹³ («У меня был товарищ») — это были слова из популярной солдатской песни. И теперь перед Гинденбургом стоял фон Папен, человек, которому он доверял, и говорил, что назначение Гитлера канцлером — это наилучший выход из ситуации и что другие члены немецкой политической элиты смогут его легко сдерживать.

Еще одной причиной послужила продвигаемая Шлейхером земельная реформа для Восточной Германии, на территории которой многие немецкие аристократы (включая лично Гинденбурга) имели колоссальные земельные угодья. Правительство Гитлера — фон Папена прекратило бы эту сомнительную реформу. Вдобавок ко всему Гинденбург не забыл результатов военных учений, с которыми ему пришлось столкнуться в декабре 1932 года, — они подтвердили, что вооруженные силы государства не в состоянии подавить восстания нацистов и коммунистов и одновременно защитить государственные границы Германии¹⁴.

В довершение всего на сцене внезапно появился генерал Вернер фон Бломберг. Фон Папен предложил Гинденбургу сделать Бломберга министром вооруженных сил в предлагаемом кабинете Гитлера. Этот пост имел первостепенную важность для Гинденбурга, ведь раньше он был прерогативой Шлейхера. Казалось, Бломберг обладал всеми достоинствами, которых не хватало Шлейхеру: ему свойственны были прямолинейность, честность, полное отсутствие «пронырливости» Шлейхера. Однако с недавнего времени Бломберг начал разделять ценности нацизма. Эта перемена в нем произошла в период службы в Восточной Пруссии, где нацисты пропагандировали идеи национального возрождения. Он также попал под влияние армейского капеллана по имени Людвиг Мюллер, который сам был нацистом. Таким образом, кандидатура Бломберга устраивала и фон Папена, и Гинденбурга,

и Гитлера. Хотя дальнейшие события показали, что именно Гитлер больше всего выиграл от присутствия в правительстве Бломберга.

Впрочем, до самого последнего момента Гинденбург колебался. Инстинктивно он, должно было, чувствовал, что Гитлер — не тот, кому стоит доверить руководство страной. Но Гинденбург на тот момент был весьма пожилым человеком: ему было 85 лет, и все, кому он доверял — включая сына Оскара, — говорили ему, что Гитлера необходимо назначить канцлером. В конце концов, он прекратил сопротивление и согласился назначить Гитлера канцлером. Ведь в противном случае пришлось бы позволить Шлейхеру создать авторитарную диктатуру, и, на взгляд Гинденбурга, это было хуже, чем Гитлер на должности канцлера.

«Он [Гинденбург] сознавал свой преклонный возраст, — писал Йозеф Фельдер, который стал депутатом рейхстага от Партии социалистов в 1932 году. — Он понимал, что физически становится все слабее и слабее. Он с трудом удерживал свой маршалский жезл. Один из офицеров из его окружения однажды сказал про Гинденбурга, что чем старше он становится и чем сложнее становится ситуация, тем больше он боится, что не сумеет вернуть Германию к былым имперским временам, что умрет до того, как будет восстановлена старая конституция и парламент вернется к монархии. Он хотел увидеть новую монархию еще при жизни»¹⁵.

Гинденбург тянул время до вечера субботы 29 января. Только тогда он сказал фон Папену, что согласен назначить Гитлера на должность канцлера. На следующий день в 11 часов утра Гитлер достиг цели, к которой он так стремился, — стал канцлером Германии.

Для сторонников Гитлера это назначение послужило лишним доказательством харизматичности их вождя, получившего теперь власть на законных основаниях. В дальнейшем, когда возникали сложности и начинало казаться, что Гитлер ведет по-настоящему опасную политику, они могли мысленно возвращаться к этому моменту для того, чтобы еще раз убедиться: Гитлер — прав, а они — нет.

Тем не менее назначение Гитлера на пост канцлера вовсе не рассматривалось всеми как поворотный пункт в истории Германии. «Поначалу мы не воспринимали его серьезно, — вспоминает Герберт Рихтер, ветеран Первой мировой войны и человек, обладавший иммунитетом к обаянию Гитлера, — поскольку в первом правительстве Гитлера нацисты были даже не в большинстве». Рихтер считал, что до тех пор, пока Гитлера «будут окружать разумные люди, он не принесет особого вреда»¹⁶. Что касается социалиста Йозефа Фельдера, то он вспоминает: «Мы считали, что сможем контролировать его [Гитлера] с помощью парламента, — какая глупость!»¹⁷ И даже воочию увидев ту пропасть, в которую Гитлер привел Германию, фон Папен по-прежнему отказывался взять на себя полную ответственность за свой катастрофический просчет при выдвижении Гитлера. Он считал, что Гитлер стал канцлером «в результате нормального демократического процесса» и что «логично было предположить, что разумный глава государства не будет вести политику, которую вел безответственный глава нацистской партии»¹⁸.

Но для тех, кто безоговорочно верил в харизматичное лидерство Гитлера, этот момент имел огромное значение. Во время предвыборных выступлений Гитлер открыто говорил, что презирает демократию и хочет вымести ее поганой метлой. Тем не менее для сторонников Гитлера это демократическое назначение стало не просто изменением в правительстве — это было изменение в немецкой политической системе. «Лично я никогда не был демократом, — говорит Рейнхард Шпитци, который в то время был убежденным нацистом. — Я считаю, что страной нужно управлять так же, как и крупной компанией. В ней, разумеется, должен быть совет специалистов и все такое, но я никак не видел главенствующей роли парламента. Когда мы столкнулись с такой серьезной проблемой, как экономический кризис, столкнулись

с голодом и безработицей, мы все ждали генерального директора, как это было бы в большой компании. Вы находите подходящего человека — и он во всем наводит порядок»¹⁹.

Что же касается президента Гинденбурга, то перед смертью он действительно увидит становление «новой монархии» — однако, отнюдь не той монархии, которой он так ждал.

Часть вторая ПУТЬ К ВОЙНЕ

Глава 7 Мессия

Вечером 30 января 1933 года Адольф Гитлер стоял в окне рейхсканцелярии и наблюдал за тем, как перед ним торжественным маршем с зажженными факелами проходят стройные колонны нацистских штурмовиков. Но, несмотря на это свидетельство представления о своем могуществе, Гитлер знал, что его позиции в качестве канцлера не так уж сильны. За него и его нацистскую партию проголосовало менее половины населения Германии. В Кабинете министров было всего три нациста, а он, как и предыдущие несостоятельные канцлеры, вынужден был руководить с согласия президента Гинденбурга в соответствии со статьей 48 действующей конституции.

Во время избирательной кампании Гитлер ясно дал понять, что хочет очистить Германию от демократии. Но настоящему харизматичному лидеру необходима поддержка масс — даже в однопартийном государстве. Без этой поддержки Гитлер мог лишь цепляться за власть как откровенный диктатор, но он никогда бы не стал тем, кем стремился стать, — всенародно признанным государственным деятелем.

Поэтому он должен был добиться поддержки, которая бы превосходила поддержку его партии. Чем больше его ассоциировали с действиями отдельных нацистов и чем больше он углублялся в детали конкретной политики, тем больше рисковал быть воспринятым немецкой общественностью как обычный политический деятель, наподобие многих других. Поэтому в течение первых полутора лет своего канцлерства Гитлер старался не только избавиться от бремени 48-й статьи и Веймарской конституции в целом, но и всеми способами продемонстрировать, что он не только лидер нацистской партии, но и правитель всей Германии. Для достижения этой цели он прикажет убить многих старых товарищей по партии.

В начале своего канцлерства Гитлер действовал достаточно предсказуемо. Он всегда был сторонником насилия по отношению к своим оппонентам, и с первых минут прихода к власти начал подавление оппозиции. В этом отношении ему больше всего помогали действия Германа Геринга. Геринг, как министр внутренних дел Пруссии, непосредственно руководил силами полиции на самой большой земле Германии. В директиве от 17 февраля 1933 года он достаточно ясно обрисовывает свои пожелания: «Сотрудники полиции, открывающие огонь из табельного оружия (револьвера) при исполнении обязанностей, будут защищены лично мною, невзирая на последствия использования оружия»¹. Спустя несколько дней, во время своего выступления в Дортмунде, он резюмирует свое отношение к правам человека: «Пуля, вылетевшая из полицейского пистолета, — это моя пуля. Если вы считаете это убийством, то я — убийца... Я знаю два вида законов, поскольку знаю два вида людей: те, что за нас, и те, что против нас»².

Геринг был креатурой Гитлера, и предан ему до мозга костей. А вот Эрнст Рем и его штурмовики были сделаны совсем из другого теста. Многие штурмовики восприняли канцлерство Гитлера как шанс получить что-то для себя лично, а также безнаказанно поквитаться со своими идеологическими противниками. Отец Руди Бамбера, например, стал одной из их жертв в первые дни нацистского правления. Нацистские штурмовики отвезли его с группой других евреев на стадион в Нюрнберге и заставили рвать траву зубами. «Это так больно, —

вспоминает Руди Бамбер — осознавать, что что бы ты ни сделал — не имеет никакого значения, просто ты еврей — вот и все»³.

Однако, хотя нападки на евреев участились после назначения Гитлера на должность канцлера, основной мишенью для нацистов стали их политические противники. «С самого начала, — вспоминает Мария Маут, которая в то время училась в школе на севере Германии, — начали забирать коммунистов и социал-демократов. Я даже видела эти грузовики собственными глазами, но даже это еще не заставляло задумываться. Ведь то были всего лишь коммунисты... враги народа»⁴.

Первоначально этих «врагов народа» заключали во временные каталажки, где обращались с ними крайне жестоко. Их арестовывали без предъявления обвинения, без соблюдения надлежащих правовых процедур, фактически — просто по прихоти штурмовиков. Но Гитлер, в целом одобряя жестокое подавление любой оппозиции, не всегда поддерживал их действия. Во время выступления 10 марта 1933 года он выразил обеспокоенность «перегибами со стороны отдельных лиц, помехами нормальному течению деловой жизни, которые должны прекратиться в принципе»⁵. Спустя два дня, 12 марта, он призвал «товарищей по партии придерживаться с этого момента строжайшей дисциплины. Больше не должно быть никаких самовольных операций...»⁶

Но спустя всего лишь неделю, 21 марта 1933 года, в Дахау, маленьком городишке в окрестностях Мюнхена, был открыт первый «официальный» концентрационный лагерь. Лагерь Дахау находился под управлением Генриха Гимmlера, возглавлявшего СС (сокращение от нем. *Schutzstaffel (SS)* — «охранные отряды»). Хотя номинально Гимmlер подчинялся Рему, было очевидно, что у него были более серьезные амбиции. Гимmlер не был таким оголтелым головорезом, как его непосредственный начальник, он был человеком холодным, который терроризировал врагов партии систематично и только по приказу. Дахау, управляемый надежным сотрудником тайной полиции, таким как Гимmlер, а не штурмовиками Рема, гораздо лучше вписывался в представления Гитлера о новой Германии.

Однако жертвы нацистского террора не видели большой разницы между СС Гимmlера и СА Рема. Условия в подконтрольном Гимmlеру Дахау были ужасны. Социалист Йозеф Фельдер был заключен в печально известный «бункер» — ряд одиночных камер, находившихся в отдалении от главных бараков лагеря. Здесь он был закован в цепи и над ним постоянно издевались, угрожая неминуемой смертной казнью. К тому же его морили голодом: давали только воду и изредка кусок черствого хлеба.

Однако многие из тех, кто приветствовал обещания Гитлера восстановить «порядок» в Германии, не возражали против создания концентрационных лагерей — и потому, искажая факты, даже умудрялись истолковывать это позитивно. «В Дахау он [Гитлер] собрал разных людей — настоящих профессиональных преступников, — вспоминает Карл Бем-Теттельбах, который был в то время молодым офицером люфтваффе. — Когда их согнали в рабочий лагерь Дахау, население не слишком переживало по этому поводу»⁷. Другие оправдывали страдания этих людей неизбежными последствиями «революции». «В тот момент мы считали, что это [создание концентрационных лагерей по образцу Дахау] необходимо, — говорит Рейнхард Шпитци. — Мы понимали, что это — революция. Но позвольте, я ведь изучал историю Французской революции. Сколько людей попали на гильотину — порядка 40 000... Это означает, что при любой революции проливается кровь — а ведь мы считали, что у нас идет именно такое переустройство... Я считал, что в мире не бывает бескровных революций»⁸.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Стоимость полной версии книги 5,99р. (на 23.05.2014).

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.